

[Polaris]

Ф. ЦЕВЛОВСКИЙ

ЦЕРОН

Роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СХСVI-B

Salamandra P.V.V.

**ФЕДОР
ЦЕВЛОВСКИЙ**

ЦЕРОН

Роман

Том II

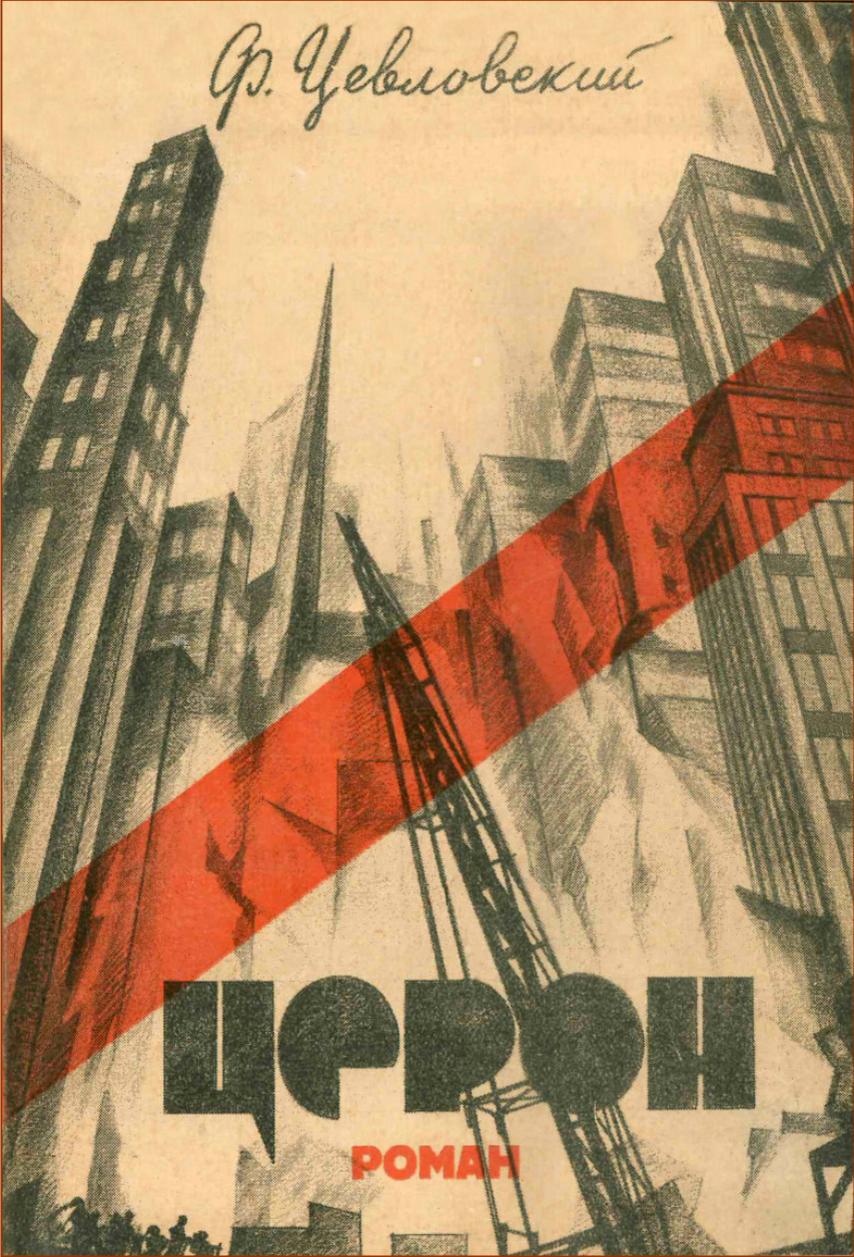
Salamandra P.V.V.

Цевловский Ф.

Церон: Роман. Илл. Т. А. Быковского. Том II. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 132 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХСVI-B).

В новом выпуске серии «Polaris» – остросюжетный научно-фантастический роман Ф. Цевловского «Церон», впервые изданный в Белграде в 1936 г. Первое переиздание романа продолжает в серии ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

Ф. Цевловский

ЦЕРОН

РОМАН

ЦЕРОН

ХІ

Орлицкий стоял у раскрытого окна. Изредка из гула уличного шума до него доносились выкрики газетчиков. Их энергичность в такой неурочный час его удивила. Видя, как у них расхватывают листки, он тщетно пытался разобрать их выкрики, но с 8-го этажа это не было возможно. Он позвонил швейцару, прося прислать листок. Через несколько минут лифт принес ему экстренный выпуск газеты. Головной аэроплан федерации погиб. По телеграмме, полученной незадолго до его гибели, от капитана О'Генри можно было с уверенностью сказать, что он сделался жертвой предательского нападения со стороны неприятеля, маскировавшего свои военные суда под видом шхун рыбаков. Правительство, не считая возможным пройти мимо этого неслыханного оскорбления, распорядилось захватить и уничтожить все маскированные военные суда, находящиеся в этой части Индийского океана. Дальше объявлялась мобилизация всей промышленности страны и всех средств передвижения. Адмирал Флит назначался главнокомандующим.

Орлицкий задумался. В это время послышался звук раскрываемой входной двери. В передней раздались шаги и на пороге кабинета показались две фигуры — Билль и его спутница, редкой красоты женщина.

— Алло, Жорж, — произнес Билль, спеша с протянутой рукой к Орлицкому, — я привел нового члена, златокудрую фею. В этом кавардаке...

Билль оборвал фразу

Орлицкий и Ванда, побледнев, смотрели друг на друга в упор.

— Вы знакомы? — прервал неприятное молчание Билль.

— О, да! — вырвалось у Орлицкого. — Во всяком случае, я рад вас видеть, Ванда. Прошу сесть и почувствовать себя, как дома.

— Как дома, — чуть слышно прошептала Ванда, тяжело вздохнув.

В столице Архипелага сидели за большим столом вперемежку штатские и военные. Говорил, отчетливо отчеканивая каждое слово, Стеверс:

— В наших руках доказательства, что все дело инсценировано Штерном для того, чтобы дать отдышку возмущению, накопившемуся внутри объединяемых им государств. Доказательство этого у нас здесь. Смотрите, господа.

И на экране перед удивленными взорами всех от начала до конца была показана катастрофа амфибии. Прыжок О'Генри. На экране была видна лодка Осаки, спешившего к месту аварии. Усталый, еле живой, он с трудом выбрался на берег.

— Съёмка, господа, — после маленькой паузы продолжал Стеверс, — была сделана аппаратом же Штерна. Он еще год назад нарушил ваш нейтралитет.

— А кто такой этот японец, бросившийся спасать О'Генри?

— Это наш эксперт, майор Осаки, меривший глубины, — послышался ответ.

— А военное маскированное судно?

— Это старые боевые суда, доставшиеся нам от нашей метрополии в наследство, — гласил ответ.

Стеверс и Шимер переглянулись. Нужно было быстро действовать. Дымки эскадры Флита уже начали появляться на горизонте. Нервы многомиллионного населения были взвинчены до крайности. У них за последний год начали появляться радужные перспективы, война же могла бы принести им только рабство. При этом у них была надежда, что, быть может, хоть их потомство когда-нибудь достигнет уровня жизни безработных культурных стран. Война исключала возможность даже мечтать об этом. Стеверс извинился и вызвал остров. Вскоре с острова хеликоптер понес в столицу Нелли, О'Генри и Осаки. Когда они прибыли, заседание перенеслось в залу радиостанции. Началась в первый раз в мире борьба слова с снарядами эскадры. 24 часа подряд на всех языках слала в эфир мощная станция рапорт и фильму о случившемся. 24 часа громила эскадра

Флита одно за другим беззащитные судна государства Архипелага.

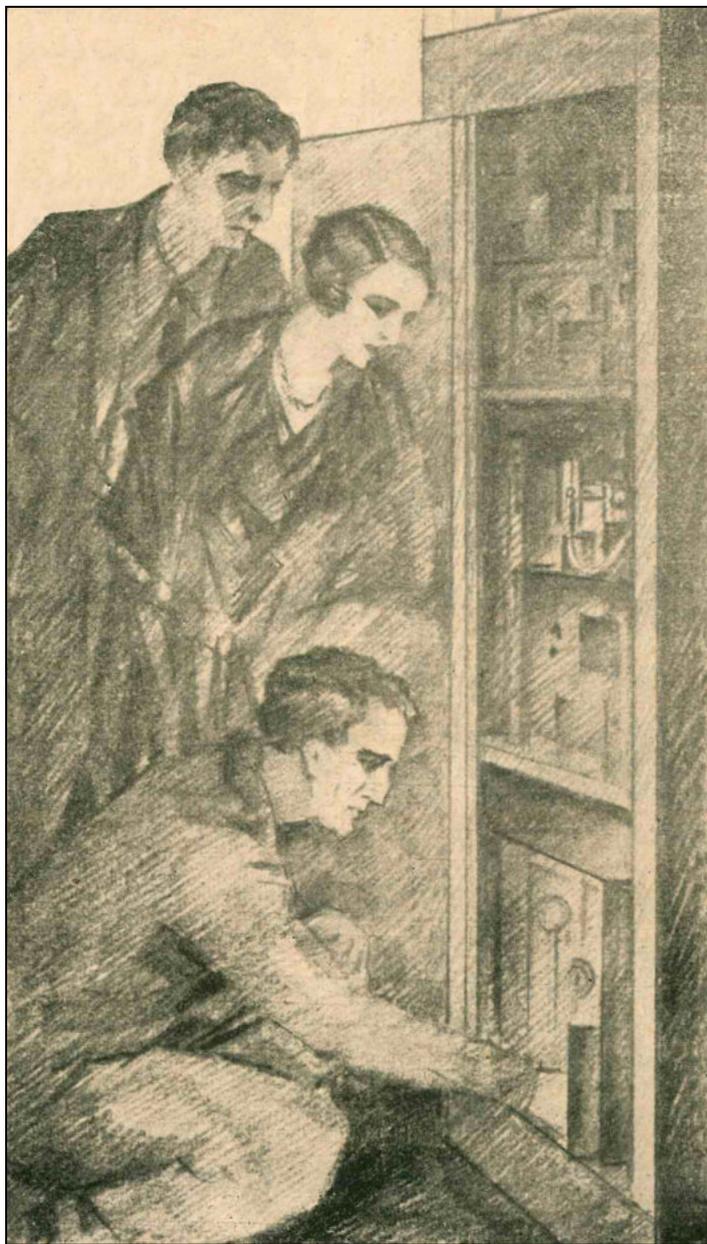
Мир волновался, но правительство союза государств мало обращало внимания на это, высаживая десант за десантом. Напрасно О'Генри взывал к Штерну, к Флиту, его вопли слушали только беспомощные соседи и, пожалуй, звезды. Вдруг через эфир дошел до них ряд категорических повторных волн. Эти волны приказывали всем, всем, всем замолчать.

— Говорит КМ, — раздался голос Орлицкого. — Если через сорок минут не прекратится бойня беззащитных людей, то дом, где спит сейчас министр Штерн, будет уничтожен, как и корабль, где находится адмирал Флит. Всем, всем, всем! — заканчивалось сообщение.

Ванда, как зачарованная, не спускала глаз с Орлицкого, ставшего на колени у раскрытого шкафа. Он в нем что-то делал. Прошли томительные двадцать минут, а затем минуты начали казаться вечностью. То же чувствовали и члены военного совета, беспомощно столпившись у окна, из которого виднелся гигантский силуэт флагманского судна. Ультиматум с быстротой молнии облетел весь земной шар. В него никто не верил. Ни Штерна, ни Флита их подчиненные даже не предупредили о нем. Сорок минут прошло, началась сорок первая. С крыши небоскреба, где жил Орлицкий, стало видно пламя над виллой Штерна, а перед глазами столпившихся у окна залы радиостанции, мрачный силуэт флагманского судна начал превращаться в пылающий факел.

ХИ

Праздновалось первое мая. Население фабричного города расположилось всюду, где было наличие хоть малейшего признака жизни. Все скверы, все города, берег реки — все было занято отдельными группами, пришедшими сюда на весь день. Группа рабочих кровельного цеха завода Ве-

некса по традиции праздновала этот день в нескольких километрах за городом на изгибе реки. Маленькими группами с кошелками и пакетами они стягивались с утра к этому месту. Лучше других знал одряхлевший старик, приведенный под руку внуком, что далеко не все эти праздники ими празднично проводились. В то, что происходило сейчас, он не вдавался, но по встревоженному сумрачному виду родных видел, что что-то не в порядке. Солнце жгло. День обещал быть жарким и ясным. Разбили шатры и заложили костры. То же чинопочитание, как и на фабрике, сохранялось здесь. Автоматически веками эти люди учились уважать лишь ловкость рук и меткость глаза. Это давало им хлеб, это давало им возможность выжимать максимум заработка при любой администрации. С каждым годом их становилось меньше — на смену их глаз и рук приходили автоматы — но взгляд остающихся на работу не менялся. Рабочий упрямо боролся с администрацией.

Однажды, когда настал момент, что фабрика должна была достаться рабочим, представители цеха отказались войти в совет по управлению заводом.

— Нет, — сказали они, — дайте нам чуждую администрацию, со своей не сможем бороться. Перестанет борьба, распадется цех, так как не будет сплоченности. Мы расосемя по земле, сами не зная, куда мы идем и зачем. Нас не станет! Мы хотим борьбы!

Их не послушали и фабрика быстро расплылась. Пришли новые хозяева, началось снова понятное каждому отстаивание своих интересов. И цех снова стал жить. Последние события заслонили собой их повседневные профессиональные интересы. Сорок восемь часов тому назад они превратились в рядовых промышленной армии. Протестовать против штрафов, саботировать, бастовать, вообще обычным вековым способом выторговывать себе масло для повседневного куска хлеба больше нельзя было. Дальше замыкаться в своем цехе становилось невыгодным. Нужно было всем народом оказать сопротивление. Поэтому, в отличие от прежних маевок, не были сегодня группы замк-

нуты в себе. Подходили, заговаривали, возмущались, призывали к сопротивлению, перевороту. Сначала отдельные люди. Некоторые говорили издалека, осторожно, вкрадчиво. Другие экспансивно, бурно. Молодой Седлачек ускользнул от своих, чтобы посмотреть, что делается. Вернулся с приставшим к нему по дороге десятком молодых рабочих. Задыхаясь от быстрого хода, он начал нервно рассказывать про слышанное. Пришедшие с ним поддакивали ему, изредка дополняя.

— Извещеие правительства ложь! обман! О'Генри сам спрыгнул с аэроплана! Аэроплан благодаря ошибке пилота погиб. Никаких японцев, индусов и китайцев, желающих нападать, не было. Это Штерн подослал своих людей, чтобы разыграть комедию, и все для того, — закончил зорко следивший за впечатлением одноглазый, — чтобы отвлечь справедливый народный гнев в сторону. Настало время, друзья, — продолжил он, — разорвать цепи, в которые заковала нас кучка людей.

Старик пытался что то возразить, его не слушали. Седлачек и одноглазый встали, за ними несколько десятков, они быстро превратились в тысячу. Нарастая, как снежный ком, уже десяти тысячная толпа с детьми и женщинами впереди покатила к казармам. Группа призванных вчера по мобилизации хлынула к ней навстречу. Во дворе выстраивалась рота солдат. Толпа, не подходя близко к фронту ошестинившейся роты, заливала двор и казармы. К ней в руки попали духовые инструменты. К ее гулу и крикам присоединились удары в турецкий барабан и звуки контрабаса.

Толпа начала налезать на штыки, медленно шаг за шагом. У солдат лица были серые, насупленные. Когда казалось, что толпа затопит роту, покрывая рев толпы, прогремел голос:

— По толпе мятежников беглый огонь! Рота...

Толпа отхлынула назад, сразу — одним прыжком. За толпой не пошла лишь кучка людей. Среди них была Ванда. Рев толпы замолк, не унимался лишь где-то в стороне турецкий барабан, отбивавший неизвестный такт. Смертель-

но бледный офицер, давший приказание, мутным взглядом смотрел на безмолвную кучку, готовый каждое мгновение закончить роковую фразу.

— Друзья! — неожиданно прозвенел голос Ванды, — мы пришли лишь сказать вам, что знаменитый адмирал Флит сдался в плен. Затем, точно в минуту, указанную Орлицким, главой КМ, сгорела вилла Штерна. Затем, друзья, хотела вам сказать и то, что мы требуем предания суду главы правительства!

Толпа бегом покрыла расстояние, отделявшее ее от Ванды, и, захватив ее и стоявших с ней, с криками:

— Долой! — окружила роту.

Солдаты беспомощно озирались. Офицер, видя, что все пропало, быстрым движением приложил револьвер к виску. Седлачек был быстрее его и револьвер покатился на землю.

— Зачем делать глупости! — произнесла оказавшаяся поблизости Ванда.

Когда последние волны толпы вытекли из военного городка, он запылал. Толпа устремила в город. У многих были в руках винтовки и, прежде чем ее передние ряды достигли реки, на мост, охраняемый жандармами, посыпались пули. Жандармы открыли стрельбу. Сопrotивление было бессмысленно, так как озлобившаяся масса вброд начала переходить реку и, зажав в беспощадном озверелом кольце, их смяла. Когда она начала заполнять город, громя и уничтожая все на своем пути, сопротивление властей было уже сорвано. По радио, отстранив перепуганного насмерть спикера, лидеры толпы объявляли всему миру свои фамилии и знакомили мир с фактом, что они свергли тиранившую их власть. Главой города был выбран либеральный портной, причем сам себя он назвал сторонником КМ. Слухи один другого нелепее наполнили город, связь его с внешним миром прервалась. Ванду же занимал лишь один вопрос, похвалит ли ее Орлицкий за проявленную ею инициативу или нет.

ХІІІ

В кабинете Штерна находился министр внутренних дел и несколько начальников отделений. Они все стояли с опущенными глазами. Зная характер Штерна и понимая, что он зарвался, они не сомневались, что именно их он принесет первыми в жертву. К их удивлению, из всех дверей в кабинет начали входить люди: стенографистки, корреспонденты, представители иностранной прессы. Потом в раскрытые двери внесли громоздкий аппарат, образовавший как бы кабинку около стола, за которым сидел Штерн. Он не поднимал головы; казалось, что его давило сознание взятой им на себя ответственности. Только когда инженер прошептал: «Экселенция, все готово», Штерн приподнялся, опираясь руками на стол. Головы он не поднял.

— Я пришел к власти, — начал он своим приятным голосом, — волею народа. При свете трех зажженных мною факелов я нес эту власть. Это были принципы все делать для народа, с народом и во имя народа. Сейчас настало трудное время — благодаря ошибке нескольких лиц наша великая нация подверглась страшным испытаниям. Я приветствую тех, кто открыто поднял восстание против правительства, не смогшего соблюсти интересы народа. Я приветствую весь персонал министерства внутренних дел, который по инициативе его начальников намеренно бездействовал. Пролилась только случайная кровь, но когда лес рубят, не могут не лететь щепки. Приказ о мобилизации отдан изменниками нации. Он был отдан, когда я лежал в моей скромной вилле, изнемогая от ран, моральных и физических, нанесенных мне атентаторами в этой самой комнате. Атентаторы те же лица, что и личность, умышленно спровоцировавшая весь наш народ. Народ, который испокон веков был поборником мира на земном шаре и тем светочем культуры, которая проникала во все закоулки мира.

Штерн сделал паузу. Его благородное лицо дышало гневом.

— Это были: Де-Риго — военный министр, Медас — министр иностранных дел и фельдмаршал страны Флит! Все три негодяя расстреляны полтора часа назад! Я этим исполнил свой долг перед народом. Командование над армией и флотом я поручил вице-адмиралу Мартини, который в данный момент приносит от моего имени извинения Совету государств архипелага. Одновременно с этим с сегодняшнего дня мы приступаем к восстановлению тех убытков, которые наш народ положил на алтарь человечества. Первый раз в истории человечества казнены виновники вооруженного столкновения, бывшего между народами. Мы повернули колесо истории! Завтра, мои друзья, будни, отдохните, успокойтесь и соберите ваши силы, чтобы с достоинством выполнить свои ежедневные обязательства. Кто этого не сделает, поступит против народа и против самого себя. Таким лицам прощенья нет.

Кабинет начал пустеть. В нем оставались только министр внутренних дел и его подчиненные. Наставшая пауза тянулась бесконечно долго, у них начали болеть ноги.

— Ну-с, — ироническим голосом, не предвещавшим ничего хорошего, прервал наконец молчание Штерн, — хороший персонал вы выбрали себе, голубчик: Журдан ускользнул! Его любовница — ваш самый талантливый агент — организовывает революцию, разоружает войска, топит жандармов в речке, в которой двухлетний ребенок утопиться не может. Под вашим носом какой-то «КМ», пользуясь нашими же антеннами, из дома, находящегося против дирекции полиции, целый день измывается надо мной! А когда случайно раскрывают его убежище, находят двери квартиры настежь и у вас перед носом заведенный старый граммофон, приветствующий вас траурным маршем. Да! нечего сказать — дожил я. Под вашей охраной меня, Штерна! — крикнул он, ударив по столу, — в моей собственной вилле пытались сжечь!

Слушайте же, раз навсегда. Если в течение трех дней вы не уберете бесшумно с этого света всех главарей и организаторов восстания, не найдете мерзавца, сорвавшего мобилизацию, не проломите черепа Журдана, и если ваши агит-

таторы немедленно не углубят эффект моей речи и не устроят так, чтобы народ меня начал считать своим избавителем, то судьбы Риго и Флита вам не миновать.

В расчете своем Штерн не ошибся, он достиг желаемого эффекта. Призванные возвращались по своим домам, неся впереди его портреты. Нередко, пока его портрет колыхался в первых рядах, арьергард громил магазины. Бастующие начали становиться на работу — автомобили и поезда забегали. Вице-адмирал оправдал надежды Штерна и сумел, не унижаясь, сгладить инцидент. Огорчило Штерна, что Мартини отказался взять на себя устранение с этого света О'Генри. Но от этой белоручки он ничего другого не ожидал. Его удивляло даже то, что Мартини согласился расстрелять Флита. Но удивлялся он недолго. Флит мешал Мартини и такой удобный случай упустить, по его мнению, даже белоручке было невозможно.

Педантично Штерн сверял рапорт особого отдела министерства с газетной рубрикой дневных происшествий. Застрелился техник Седлачек. В драке от ножевой раны погиб одноглазый Джек. Отравилась Ванда, шпионка, от несчастной любви — гласила газетная заметка. В Тегеране в местной европейской колонии произошел ужасный скандал. Известный филантроп Журдан был пойман мужем бывшей венской шансонетки Фриды *in flagrante*, муж убил ее. Решение суда ожидалось, как говорил корреспондент, во всех кругах местного общества с большим нетерпением. Штерн улыбнулся. Он не сомневался, что подписанные им утром два чека не только принесут мужу освобождение, но и дадут ему возможность жить, не отказывая себе ни в чем. Штерну было мало этих трупов, главный виновник упорно ускользал от его мести.

XIV

Гигантский дом блокировала полиция. На шестой лестнице все квартиры были очищены от жильцов. В стеклян-

ный фонарь швейцара то и дело заглядывали детективы. По сто раз в день швейцару задавался тот же самый вопрос:

— Звонил ли 273?

И всегда уже пятый день получали в ответ тот же отрицательный знак головой.

Несмотря на хаос, царивший вокруг Жана, он ни на секунду не терял своего достоинства — достоинства, соответствовавшего его социальному положению. Даже шефа полиции удивили его ответы, показывавшие, как идеально он знал особенности нескольких сотен своих жильцов. На вопрос его, кто подозрителен в доме, он указал шесть квартир, а в том числе и квартиру 213 — квартиру этого зловещего Орлицкого. Мастерам сыскного дела было непонятно, как, имея в своем распоряжении лишь несколько подростков, тучный старик умудрялся быть в курсе всех деталей жизни своих жильцов. Шефу полиции Жан раскрыл свою тайну:

— Сорок лет опыта у меня, не шутка это? А потом и автоматы помогают. Вашим людям они ничего не сказали, а мне достаточно лишь мельком взглянуть на них, чтобы знать, что случилось за день. Автоматы работают столько времени, сколько разрешает им опущенный в них жетон. Каждая квартира при взносе квартирной платы получает обратно жетонами 10% своего взноса. Пользуется она ими больше — должна купить жетоны.

Он показал рукой на дверь, которая из фонаря, служившего ему канцелярией, вела в широкий длинный коридор. Стены в нем были покрыты мраморными досками. Доски были разделены на квадратные поля, а каждое поле еще на восемь квадратов. В каждом квадратике или виднелись ленты счетчиков или виднелись циферблаты со стрелками внутри них. Каждое поле было снабжено номером — это был в то же время и номер квартиры.

— Видите, например, этот маленький квадратик. Он показывает расход электричества, это количество мусора, этот телефон, всего их восемь. Посмотрите № 63, например, — у этого перерасход в автомате почты, остальное все

нормально, даже я бы сказал, неиспользовано. И электричества мало израсходовано, а домой приходит поздно. В книге жильцов стоит, что в полиции он отмечен, как банковский чиновник. А теперь сами судите, имею я право сомневаться в его исправности?

Агенты с любопытством и удивлением смотрели на старика.

— Здесь, — не унимался старик, показывая на другое поле, № 308, — видите перерасход электричества и мусора. Записан, как чиновник на телеграфе, ночи очень часто проводит на дежурстве.

— Отсюда мораль, — улыбаясь, закончил за него шеф полиции, — или изобретатель, или... или человек, на которого нужно обратить внимание.

— Правильно изволили заметить, — поддержал шефа старик.

Возвращаясь в комнату Жана, молодой детектив поинтересовался:

— А кто же эту инквизицию поправляет в случае надобности?

— Випекс, Випекс, голубчик, — приветливо проговорил старик.

— Это тот, что в № 273 живет?

— Тот самый, да разболелся он сейчас! Нужно мне будет его навестить.

В его комнате шеф и детективы простились с ним кивком головы и разбрелись по своим местам.

На телефонном регистре выскочил № 273. Жан быстро схватил трубку.

— Добрый день, господин инженер.

— Здравствуйте Жан, — раздался голос Орлицкого. — Я плохо себя чувствую и мне хотелось бы вас видеть.

— Через несколько минут я приду к вам.

Жан задумался. Затем, вынув из ящика стола бумагу, сунул ее в карман. Движением руки подозвал к себе скрывшегося за колоннами детектива и сказал ему, показывая на форменную швейцарскую фуражку, висящую в углу:

— Наденьте ее, сядьте на мое место и смотрите на этот регистр — если выскочит № 213, поговорите с ним. Если другие номера, — не отзывайтесь. У инженера распухла нога, а несколько автоматов в неисправности. Узнаю от него, что нужно сделать. Минут через двадцать-тридцать я вернусь. Тем, кто будет обращаться к вам в течении этого времени, давайте неопределенные ответы, ни да, ни нет.

Сказав это, Жан вошел в лифт. Одна за другой начали мелькать перед глазами площадки — третья, четвертая, — вот еще одна и он приехал — лифт остановился. На двери квартиры № 273 висела огромная медная доска, на которой стояло:

«Главное представительство для федерации заводов Випекс».

Жан, посмотрев на доску, самодовольно усмехнулся. Он сделал шаг вперед и позвонил.

За последние дни Орлицкий много пережил. После срыва мобилизации и уничтожения флагманского судна для него настали тяжелые дни. Он ощущал на каждом шагу, что весь государственный аппарат направлен против него. Эта квартира была его последним убежищем. Войдя сюда в последний раз, он перед домом и в холле увидел несколько незнакомых лиц с пытливыми взорами. Он понял, что если чудом и сможет сам выскочить, то аппараты вынести не сможет. Это было пять дней назад. Пять дней, в которые он каждую минуту ждал стук в дверь или звонок по телефону. Пять дней его аппараты стояли наготове, чтобы уничтожить каждого, кто появится с враждебным намерением на площадке, а одновременно другой аппарат, его любимый, был установлен так, что с ним одновременно был бы сравнен с землей этот гигантский дом из железобетона. Но никто не стучал, никто не звонил. Петлю накинули на шею, но никто затянуть ее не решался, думал Орлицкий. Потом удивляло его, что почту по-прежнему автомат регулярно выкидывал в его ящик два раза в день, съестные припасы приходили три раза в день. С внешней стороны все было нормально. Но происходящее в окнах домов на противоположной стороне улицы ясно говорило

ему, что с его окон и балкона не спускают глаз не только люди, но и стволы пулеметов. В отделе происшествий в газетах он каждый день встречал знакомые имена — один покончил самоубийством, с другим несчастный случай, о третьем просто говорила заметка. Так за эти несколько дней ушли из этого мира несколько десятков молодых, полных сил людей. Не стало Седлачека, Ванды, кривого Джека. Каждый раз, находя новые и новые имена в газетах, Орлицкий подходил к своему аппарату, но каждый раз благоразумие одерживало в нем победу. Потом начинал в бешенстве бегать по квартире. Устав, садился в кресло, чтобы через минуту снова вскочить. Каждая заметка была для него мучением, которое усугубляло еще больше сознание собственного бессилия. Иногда ему казалось, что он заживо похоронен, а его ощущения — лишь отголоски жизни, по-прежнему продолжавшейся там где-то за кладбищем, в котором он лежал. Настал пятый день — Орлицкий больше не был в состоянии выдержать. Распахнув ударом ноги дверь, он вышел на балкон. У его ног расстилалась широкая улица, ведшая от площади к пристани. Бросались в глаза флаги на балконах и окнах. Это придавало домам праздничный вид. На площади, которая начиналась справа, копошилось много людей. В середине стоял памятник, окутанный полотнищами, около него соорудили помост. На площади много людей с ведерками и кистями чертили какие-то лилии. Под ним, у подъезда, мелькнула фуражка швейцара, кого-то заботливо усаживавшего в такси. У Орлицкого промелькнула мысль. Ему захотелось во что бы то ни стало дожить до завтра. Быстрым движением он вошел обратно, тщательно прикрыл дверь и задернул на ней гардины.

«Безусловно, завтра предстояло празднество, да! — вспомнил он, — открытие памятника в присутствии Штерна. Значит, у них последний срок, чтобы меня уничтожить, истекает ночью. Швейцар пользуется их полным доверием, ко мне он расположен. Колесики и винтики автоматов из нас сделали приятелей. Если он захочет помочь, мне можно будет найти такой уголок в этом доме, в котором меня

бы до завтра не тревожили и откуда я мог бы рассчитаться с Штерном. Но согласится ли он? Боюсь, что это будет выше его сил. Если он не знает еще сейчас, кто я, он узнает это ночью. По моим расчетам, уже четыре дня тому назад они раскрыли мой псевдоним — не могли не раскрыть. Если они ему еще ничего не сказали, скажут в последний момент, а Жан, сорок лет верой и правдой прослуживший при всех режимах, захочет ли утаить что-либо от этого? Никогда! Я уверен, что скорее он бы выдал своего сына». Прошел час, прошло два часа, а Орлицкий не мог решиться. Наконец, придя к какому-то заключению, он подошел к телефону. «Не захочет добром, потребуем силой, главное, чтобы он пришел ко мне».

Поговорив с Жаном, он в ожидании его прилег на кушетку. По радостному тону, с которым старик его приветствовал, Орлицкому было ясно, что Жан еще ничего не знает. «Неужели мой псевдоним не раскрыт? Неужели?»

Он закрыл глаза: Стеверс, Мартини, Нелли улыбались и кивали ему. Вздрогнув, он очнулся. Его мысль ушла к далеким островам Архипелага, к близким ему людям. Завтра годовщина договора. Выполнив договор и дав федерации жестокий урок, «КМ» становится реальным фактором. То, что О'Генри сделался рядовым членом при той популярности, которую он в короткое время приобрел, значит много. То, что старый тайный их член Мартини сейчас во главе армии, очень важно. Рано или поздно Штерн падет — всякая комета падает. Что же касается масс, на первое мая его гипноз был сорван, в глазах масс он перестал быть всемогущим. Он пользуется, безусловно, еще авторитетом, но не как мессия, а как шеф полиции, тем более опасный, что обычную комедию суда он заменил своим собственным решением, римское право заменил цыганским — захочу полюблю, захочу разлюблю.

В передней задребезжал звонок. Орлицкий встал и не спеша подошел к столу — оттуда в зеркало отчетливо была видна передняя и входная дверь, ведущая из нее на площадку. Он перевел рычаг под столом и дверь распахнулась. На

пороге, с удивленным лицом, стоял Жан — за ним никого не было.

— Входите, Жан, я очень рад вас видеть!

— Да где же вы, господин инженер?

Как только Жан перешагнул порог, дверь, как будто только этого и ожидавшая, захлопнулась. Жан вздрогнул, но, взяв себя в руки, смело прошел в переднюю и вошел в кабинет.

Орлицкий, испытующе на него смотря, крепко сжал его руку и усадил в кресло. Сам он поместился напротив.

— Вы меня извините, Жан, что я вас побеспокоил, но эти пять дней болезни так вымотали меня, что я подумал, что разговор со старым приятелем будет лучше лекарства. Можно вам предложить мою любимую сигару?

— Нет, благодарю вас. Наоборот, я рад, что вы меня вызвали. Я давно хотел видеть вас, но воздерживался сам вызвать. Если бы вы не сделали этого сейчас, я пришел бы к вам сам вечером. Прочтите.

Жан расправил вынутую из кармана бумагу и протянул ее Орлицкому. Тот, насторожившись уже при первых словах Жана, осторожно взял ее в руки. Это было секретное обращение министерства внутренних дел к своим сотрудникам. В нем были напечатаны три фотографии Орлицкого. Указаны все его приметы. В самом же конце циркуляра большими буквами указывалось, что каждому сотруднику, именем правителя, дается право убить его на месте, и было добавлено более мелко — как бешеную собаку. Орлицкий несколько раз очень внимательно просмотрел листок.

— Как вы находите, г-н Жан, фотографии? — сказал Орлицкий, возвращая ему листок.

— Очень удачными!

— Значит, вы знаете все?

— Все, г-н Орлицкий!

— Давно?

— Давно!

— А полиция знает, что я здесь?

— Что вы в этом доме, знает.

— Говорите яснее, Жан, как понять — в этом доме? Жан, я отказываюсь вас понимать. Вы говорите какими-то странными загадками.

— Когда вы последний раз были на площадке?

— Пять дней назад, войдя в эту квартиру.

— Посмотрите сейчас с площадки на вашу входную дверь и вам все станет ясным.

«Провокация!» — как молния, пронеслось в голове у Орлицкого и он, вскочив, направился к приборам, бросив на ходу: «Хорошо, сейчас».

— Ванда! — раздался громкий голос Жана.

Орлицкий повернулся.

— В чем дело?

— Если бы на моем месте была Ванда, вы бы ей поверили?

— Да! — произнес, побледнев еще больше, Орлицкий.

— Она мне поручила вас охранять, зная что вы по рассеянности забудете ряд мелочей, которые вам будут стоять головы. Я ее просьбу исполнил.

Согнувшись, Орлицкий отошел от стола и пошел к выходной двери. Не колеблясь, он ее распахнул и вышел на площадку, не глядя, есть ли там кто-либо или нет. Через минуту он, захлопнув за собой дверь, бросился к Жану.

Старик плакал.

— Бедная Ванда, — шептал он, с трудом сдерживая подступавшие к горлу рыдания.

Прошло минут десять, пока оба, и старик и Орлицкий, овладели собой.

На входной двери, вместо визитной карточки: «Уполномоченный “КМ” в федерации», была прибита большая медная доска представителя заводов Випекс.

— А где же моя карточка? на квартире 213?

— Там живет маньяк, пускай он докажет, что не извозчик.

От этой шутки легкая улыбка появилась у обоих.

— Но откуда вы знали Ванду, Жан?

— Она была невеста моего сына. Однажды я ждал его вместе с ней. Мы его дождались, но он пришел не сам, —

его принесли на носилках и он скончался у нас на руках. Я думал, что Ванда сойдет с ума. Выдержала — выжила. Затем с ней случилось несчастье и вы ее спасли. Ваша вера стала ее верой. Я был в курсе дел, она мне все сообщала. Затем произошла неожиданная встреча здесь, когда она пришла к вам. Уходя от вас, она приходила ко мне и исповедывалась. Когда она пришла проститься, предчувствие мне говорило, что я ее больше не увижу. Она тоже иллюзий не строила, но, уходя, взяла с меня клятву в случае нужды пожертвовать собой для вас. В эти дни я узнал еще больше, я узнал, что не даром жил эти годы. Мне Ванда сказала, что лично видела в тайных архивах под фамилией сына отметку красными чернилами. Чересчур опасен для кандидата 10-го выборного района. А этот кандидат, как выяснила Ванда, а я потом проверил, был Штерн в начале своей карьеры.

Орлицкий обнял старика, так простояли они несколько минут. Потом Орлицкий начал говорить. Как зачарованный, слушал его старик.

— Все сделаю! — произнес он. — Я слышал, что между полночью и двумя утра они попытаются уничтожить квартиру 213. Они болтали сегодня, что их фотографические аппараты два раза уловили, как Орлицкий осматривал площадку. То же лицо, что на циркуляре, твердят они, только оброс бородой. Но взгляд, говорят, жуткий. Когда с фотографии глядит, и то страшно, а каково в действительности! Ну, я пошел! Когда эти мерзавцы навалятся на несчастного, я приду к вам с двумя флагами.

Сколько ни вырывал Орлицкий руку, Жан ее поцеловал и направился к дверям. У дверей он обернулся. Это был прежний швейцар, лицо которого говорило каждому: «Замной сорокалетняя служба! А за тобой...»

Орлицкий весело махнул ему рукой. Жан, поклонившись с достоинством, вышел. Детектив, уже потерявший терпение, радостно его приветствовал:

— Наконец-то, а я думал уже, что вы навсегда прилипли к вашему автомату и не вернетесь.

XV

На архипелаге сглаживались все следы недавних военных действий. Острова, на которых производились работы «КМ», были главным предметом всех разговоров у населения. Всюду, даже в самых отдаленных селах архипелага, образовывались клубы. Стеверса осаждали делегации. Было нечто трогательное в том единодушии, с которым после недавних событий все племена туземцев изучали план «КМ» и ценою иногда даже невероятных лишений начинали проводить его в жизнь.

Скелет флагманского корабля был для всей эскадры живым укором. Члены эскадры старались своим поведением на берегу загладить перед населением поступок правительства. Увлечение туземцев планом передалось и им. Мартини ежедневно посылал на острова по несколько сот человек, которым О'Генри показывал работы и объяснял цели и задачи клуба. Так, не спеша, Мартини и О'Генри превращали всю эскадру в своих единомышленников. Употребляя эскадру для сглаживания последствий бомбардировки, Мартини был уверен, что Штерн в течение нескольких месяцев не рискнет побеспокоить его здесь. Этого же времени для него было совершенно достаточно, чтобы добиться своей цели. Он чувствовал, что уже произошел психологический перелом у его людей. Он видел, что они начинают схватывать причины невыносимости жизни в федерации. Случаи, что чины эскадры проводили свое свободное время с туземцами, производя наравне с ними различные работы, становились все чаще. Было известно, что на родине Штерн опасных для него людей уничтожает пачками. Последний разговор с Орлицким не предвещал ничего хорошего. Стеверс нервничал, тяжелее всего было сознавать, что невозможно помочь.

Измученное лицо Орлицкого, его саркастическая улыбка, слова:

— Мою станцию открыли, перехожу в убежище № 7. Не отклоняйтесь от плана. Билль...

На экране было видно, как Орлицкий, быстро повернувшись, наклонился к граммофону, стоявшему за ним, и пустил его в ход. Затем в несколько прыжков выбежал из квартиры. Граммофон медленно играл траурный марш. Был непонятен его странный поступок. Но вдруг в глубине появилось несколько осторожных лиц. Оглядываясь, осматриваясь, крадучись. — целая толпа детективов наполнила квартиру. Граммофон все играл. Осмотрев граммофон со всех сторон — осторожно, как будто дело шло об адской машине, — они его выключили. И тогда только сообразили, что экран кому-то в эфир передает про их неуспех. Последнее, что увидел Стеверс — это были искаженные от злобы лица детективов, а их проклятия по адресу Орлицкого звенели до сих пор у него в ушах.

Так проходил день за днем, не принося никаких вестей о нем. Сейчас должен был прибыть Билль. Но что же он мог знать, расставшись с Орлицким еще шесть дней назад? И почему Орлицкий скрылся в убежище № 7? Разве положение было настолько безвыходно, что ему некуда было скрыться? Ведь убежище № 7 — это была просто квартира, взятая под очень прозрачным псевдонимом. Этот псевдоним знали многие. Не узнать про него Штерн, подняв против Орлицкого всю федерацию, конечно, не мог. В той же зале за письменным столом, стоящим в углу, работал Курт Шимер. Его тревожила судьба Орлицкого, но у него сжималось сердце при виде молчаливого отчаяния Стеверса. В дверях показался майор-малаец. Он был дан правительством в их распоряжение для связи. Майора интересовали в жизни две вещи: карты и гитары. В двадцать четыре года это ему принесло майорские эполеты. Вовремя проиграть в карты и вовремя сыграть на гитаре — стало его целью. Уже в этом году он рассчитывал заменить эполеты майора погонами полковника, но «КМ», обосновавшись здесь, спутал все его расчеты. Он их поэтому недолюбливал.

— Экселенция, какой-то американец, только что прибывший на центральный аэродром, просил вас уведомить о своем прибытии.

— Фамилия, его майор?

— Его фамилия, экселенция...

В разговор вмешался Шимер:

— Скорее всего, это Билль.

— А он сам, или с дамой и с ребенком?

Майор задумался.

— Спасибо, майор, — сказал Курт, одевая на ходу шляпу.

— Через сорок минут я буду здесь с Биллем. А вам я бы советовал вызвать Мартини; его присутствие вас бы немного развлекло, а он бы узнал от Билля много интересного.

Через минуту автомобиль по шоссе, усаженному деревьями, нес его к аэродрому. Заметив по дороге группы людей, разукрашивавших дома, делавших гирлянды из лампионов и возводивших на главной площади помост, Курт спросил шофера, что это значит. Шофер сначала растерянно улыбнулся, думая, что Курт шутит. Но, видя, что тот расстроен, сказал:

— В честь годовщины вашего прибытия.

— Сейчас... Ах, да! Недоставало только этого. Бедный Стеверс, он не выдержит. Но заменить его сейчас нечем. Делать веселые лица, когда сердце разрывается от боли!

Мелкнули ангары. За ними расстилался аэродром. У подъезда воздушной дирекции остановился автомобиль. На ступеньках стоял Билль.

Через час оба уже входили во дворец совещаний, где вместе со Стеверсом был и Мартини.

Сердечно приветствовав Билля, его усадили и начали слушать. Билль описал борьбу Орлицкого с Штерном. Полный срыв мобилизации страны в десять минут. За десять минут перед началом речи Штерна, когда войска, призванные и все имеющие уши в федерации были согнаны к бесчисленным мегафонам, за десять минут до начала речи Штерна — заговорил Орлицкий. Антенны центральной станции переносили его речь. Как этого добился он, — его тайна. Капельмейстеры бесчисленных оркестров с поднятой кверху палицей, музыканты с нотами гимна, с раскрытыми ртами смотрели в бесстрастные мегафоны, откуда лилась речь Орлицкого, говоримая им с легким акцентом. Все растерялись. Никто не знал, что делать. А массы от простых

понятных слов накопились. «По домам! мобилизация отменена. Тем, кто захочет вам помешать вернуться домой, сверните сейчас же шею. Сегодня вы сила», — были последние его слова. Что было после этого? Полиция исчезла. Толпа смяла войска. На чем попало: в экспрессах, пешком, в автобусах — призывные устремились по домам. На следующий день было первое мая — началось восстание.

3-го мая своим гениальным расстрелом министров и Флита Штерн спас свою шкуру.

Он пытался сначала захватить архивы — списки членов «КМ». Как только его люди приходили в помещение клуба для обыска, и взяв ключи, пытались открыть кассы, — кассы накалялись и все бывшее в них превращалось в пепел. Так издевался Орлицкий над Штерном. Тогда приступил Штерн к методу несчастных случаев. Так погибла несчастная Ванда, так погиб Седлачек. Гончие Штерна замыкали круг около Орлицкого.

— Я не уехал тогда, когда он приказал мне. В тот день я уснул только жену и ребенка. Я оставался, обеспечив себе выезд, еще четыре дня. Я рассчитывал спасти его — против его воли. Каждый день он бросал новый вызов, каждый день петля на его шее сильнее затягивалась. Я ушел, когда ему ничем больше не мог помочь. Он был объявлен врагом государства. Его фотографии и приметы рассовали каждому. За его убийство расписали баснословные премии.

Все бросились к Стеверсу. Его согнутая спина судорожно вздрагивала. Стеверса душили рыдания.

— Неужели и он погиб? Зачем не я? Трупы, без конца трупы! Кровь — всю мою жизнь так! Неужели я проклят?

Его с трудом успокоили. Потерял обычную хладнокровность и адмирал Мартини.

— Может быть, еще не поздно? Я пошлю ультиматум Штерну!

— Бесполезно, адмирал. Вы выдадите этим только себя. Про ваш же ультиматум, кроме Штерна, никто не узнает. Что можете вы ему сделать на расстоянии нескольких тысяч километров?

Нет! Как ни ужасно происходящее там, нам нужно выполнить его заветы. Он подчеркнул мне — пусть никто обо мне не беспокоится, пусть думают только о своей работе, пусть верят в конечный успех.

— Я не могу себе представить, — произнес Курт, — чтобы Орлицкий погиб, его гений укажет ему путь в последний момент. А мы его живого уже похоронили и оплакали, — сказал он, обнимая Стеверса.

— Адмирал, поедем на острова, это немного рассеет, ведь вечером будут торжества. Захватим на обратном пути — ваш катер же такой вместительный — всю молодежь. А позже, может быть, придут хорошие вести. У меня есть еще здесь несколько срочных дел, но через полчаса я на глисере догоню ваш катер.

Когда Курт вернулся в залу, проводив остальных до катера, стенные часы пробили одиннадцать. Перешагнув порог, он услышал за собой голос майора:

— Начало говорить радио федерации! Включить его?

— Этого не может быть, майор! Сейчас там три часа ночи, а впрочем, включите.

Курт не успел пройти и половины залы, как ясно и отчетливо услышал:

— Здесь радио федерации: циркулярное распоряжение совета министров. Враг государства инженер Орлицкий ликвидирован. Арсенал его адских машин захвачен и изучается сейчас специалистами. Данным часом прекращается осадное положение во всех частях федерации. Принять меры и сделать все для обеспечения участия каждому члену федерации на сегодняшних торжествах.

Курт дальше не слушал, его захватил пароксизм гнева. Одним прыжком он подскочил к громкоговорителю, сорвал его с подставки и швырнул в окно. Майор, видя падающий на клумбы громкоговоритель, пожал плечами.

«Не угодишь! Лучше не попадаться на глаза», — подумал он и быстро пошел в караульное помещение.

Катер подходил к острову в тот момент, когда небольших размеров стройный дирижабль приплюснутой овальной формы вздымал кверху часть кораллового барьера. Как

маленький паук, спутав большому мотыльку крылья, медленно всасывая паутину, вздымает свою жертву кверху, — так же и металлическое насекомое вздымало кверху коралловый риф. Чуть подняв его над водой, оно отволокло его на несколько сот метров в сторону и, порвав свою стальную паутину, бросило риф в море. В первых двух поясах рифов проходы были сделаны раньше.

— Здесь, — сказал, оживляясь, Стеверс, — мы впервые применили тепловые мины, результат исключительный. Видите, — в это время катер входил в проход, — здесь метров 15 глубины, а ширина какая. Не употребляя водолазов, они должны были сделать эту работу в два дня. Но вам гораздо лучше объяснит это Осаки, он вел эти работы.

У маленькой пристани их радостно встретила небольшая колония. Молодежь, захватив с собой Стеверса и Билля, побежала вперед, а Мартини остался позади с О'Генри.

— Сейчас, — сказал Мартини, — мои поздравления, вероятно, переданы Штерну, а через несколько часов он провозгласит себя правителем. В федерации все залито кровью. Счастье, что ни один список наших членов не попал к нему в руки. Он, поэтому, своим гнусным способом смог уничтожить только несколько десятков наших людей. Имевшиеся у меня сведения полностью подтвердил Билль своим рассказом.

— А как Орлицкий, — спросил О'Генри. — Я столько слышал о нем. Что с ним?

— Я не могу себе представить, чтобы он мог спастись. Вопрос его гибели — это вопрос минут. Может быть, его уже нет в живых.

— В таком случае, наша с вами задача, господин адмирал, становится очень трудной. Правда, Орлицкий демаскировал Штерна, вдохнул в массы веру, что спасения можно ожидать только от нас. Правда, в наших руках, — О'Генри жестом показал на остров, — средства вывести мир из тупика, спасти людей от обнищания, прекратить бессмысленное высасывание государством всех соков из населения. Мы, и только мы, можем дать целесообразный труд каждому. Смотрите, адмирал, то, что произвольно до сих

пор делала природа, можем сделать мы в двадцать-тридцать лет, имея в своем распоряжении такой людской и денежный резерв, как федерацию. Вулканы создавали и уничтожали материки. Канализируя их деятельность, быть может, например, пожертвовав Формозой, можно претворить острова Хонолулу, Мариану и все остальные, лежащие в этой широте, в материк, в новую часть света. Или вместо Гималайского и Алтайского хребта получить пролив, соединяющий северный полюс с Бенгальским заливом.

— Много нужно отнять еще, О'Генри, от природы, но прежде всего нужно подумать о ближайшем будущем. Я сообщил уже генеральному штабу, что 20000 морской пехоты подлежат демобилизации. В течение трех месяцев вы должны будете превратить их в наших одушевленных сторонников. Ничего не подозревая, Штерн ввезет на свой счет первые двадцать тысяч бацилл. Лишившись всего того, что они имели у нас, они быстро обработают в нашу пользу, как бы Штерн ни препятствовал, несколько миллионов. Тогда я поведу эскадру и будет, что будет. Согласны, О'Генри?

— Согласен, адмирал.

К ним подбежала Нелли и молча, взяв обоих под руки, повела их к катеру. Заговорившись, они не заметили, что остальные успели обойти весь остров и внимательно все осмотреть.

Когда катер подвез виновников торжества к пристани, солнце уже начало садиться в море.

На маленькой пристани царило необычное оживление. Под эффектно разукрашенной, зеленью и цветами, аркой, стараясь с большим трудом сохранить спокойствие, стояло толпище маленьких детей кофейного цвета. Дети были одеты в белое. Они напоминали собой прекрасно сделанные экзотичные игрушки. Лишь катер причалил, раздалось пение малюток. Растроганные пением, вышли все на пристань. Там их усадили в экипажи, украшенные цветами, и повезли через город. По дороге их радостно приветствовали встречные. С трудом через запруженные экспансивными туземцами улицы их довели до стадиона, тоже на-

битого народом до отказа. Сначала было сказано несколько речей. Затем начались разнообразные состязания. Публика переживала вместе со своими фаворитами их победы и поражения. Было совсем темно, когда яркие снопы света осветили очень милую живую картину: буквы «КМ» были составлены очень искусно из группы маленьких туземцев. Дети были одеты в костюмы самых разнообразных наций, а хор малюток, певший на пристани, стоял под ними и пел туземский гимн. Казалось, что кричали в восторге не только бесчисленные толпища, запрудившие стадион и прилегающие к нему улицы, а что кричит и земля под их ногами, и небо. Рев восторга еще потрясал воздух, когда несколько министров, отозвав немного в сторону Мартини и Стеверса, сообщили им, что в федерации что-то произошло, но что именно — непонятно. Пока известно лишь то, что торжества в столице сорваны, Штерн не провозглашен правителем и не выступал, хотя его ждали. Кажется, вспыхнуло восстание. Стоявший все время бледный, как полотно, Шимер, взяв с собой Билля, поспешил на радиостанцию. Когда поехали на ужин, который должен был закончиться весельем в течение всей ночи, то на подножках экипажей стояли туземные солдаты, держа высоко над головой факелы.

Огромный парк перед дворцом совещаний, в котором начался ужин, заранее уже был запружен народом. Под звуки нескольких, часто сменявших друг друга, оркестров пели, танцевали и веселились в каком-то диком упоении.

Из трехсот лиц, бывших на ужине, лишь небольшая часть знала про то, что происходит. Они с трудом, напрягая все свои силы, выждали конец официальной части и один за другим скрылись.

В зале начались танцы: вскоре в ней начали веселиться с тем же азартом, что и снаружи в парке.

Салон, бывший рядом с машинным помещением эмиссионной станции, быстро наполнили оставившие залу. По минутно входили к ним чиновники, принося ответы на их запросы о событиях. Оказывалось, что весь мир о случившемся в федерации знал не больше их. Про судьбу Орлиц-

кого уже знали все. Что со Штерном? Что происходит? — Эти вопросы можно было легко прочесть на мрачных нахмуренных лицах находящихся здесь. Два члена правительства, пришедшие с ними, глядя на окружающих, тоже стали сосредоточенными и серьезными. Раздался резкий стук в дверь. «Войдите!» — произнес один из министров. В дверях стоял весь штаб эскадры. Мартини, встав, быстро направился к вошедшим. Прежде, чем успело у него сорваться с языка несколько резких слов по адресу пришедших, начальник штаба протянул ему на золотом подносе телеграмму, сказав:

— Она пришла от правительства, ваша экселенция.

— Да? — саркастически подтвердил Мартини, — а поднос? — не менее едко спросил он.

— От эскадры, — прозвучало коротко в ответ.

Мартини нервно вскрыл телеграмму и долго ее читал. Казалось, что он хочет запомнить каждое ее слово. Опустив ее, он нервно вынул платок и вытер капли пота, выступившие на лбу.

— Мой ответ...

Начальник штаба его перебил на полуслове:

— Ваш ответ, экселенция, уже получен в столице. Вот подтверждение с их стороны в том, что сорок минут назад центральное радио его приняло и сейчас же передало по назначению.

Мартини, не говоря ни слова, подошел к своему начальнику штаба и горячо его обнял.

XVI

Этой ночью движение по улицам столицы было оживленнее, чем в обычный день. На улицах, ведших с вокзалов и пристаней, одни толпы людей заменяли другие, прибывающие на торжества не только из всех закоулков своего государства, но и из многих других. Весь город, кроме узкого центра, был в их полном распоряжении. Все бы-

ли внимательны и предупредительны к нахлынувшим в город массам. В узком центре, у площади, кипела работа. Отстранялись леса, бывшие около гигантского памятнике, сделанного из бронзы. Памятник покрывали полотнами, а рядом с ним заканчивали трибуну, огромную, массивную, с пологими подступами, построенную с расчетом, чтобы Штерн мог въехать на нее в лимузине. Часто молоток рабочих застывал в воздухе, а глаза, их устремлялись в одну точку — второй от угла многоэтажный дом. Уже к полночи на этот дом устремили с площади орудийные жерла, а из окон и крыш стоявших против него домов — стволы пулеметов. На улице против самого дома не было ни души. Но когда молоток падал и шляпка гвоздя зарывалась в дерево, каждый продолжал пытливо думать о том, что происходит внутри этого безмолвно стоящего многоэтажного гиганта. Все коридоры и лестницы, ведущие в квартиру № 213, и прилежавшие к ней, были наполнены людьми, старавшимися бесшумно двигаться и изредка лишь еле слышным шепотом передававшим друг другу распоряжения начальства. Штерн в то утро напомнил министру про судьбу адмирала Флита. У самого входа в подъезд, так, чтобы можно было бежать в любой момент, не попадая зубом на зуб, сидел сам министр. И под, и над площадкой квартиры № 213 стояли люди, знавшие, что, если двинутся назад, то немедленно будут застрелены. И сверху, и снизу площадки были привинчены пожарные трубы, способные струей воды разбить даже стены. Перед самой площадкой были поставлены три молотобойца с кузнечными кувалдами. Все трое были приговоренными к смерти. Их жизнь была: убийства, насилия над малолетними и грабежи. В случае успешного выполнения задания им были обещаны свобода и деньги. В образованную ими брешь должны были ворваться к Орлицкому двадцать людей, стреляя химическими и боевыми патронами. Эти двадцать людей хорошо знали про ужасные лучи Орлицкого, так как двое из них были на дежурстве в вилле Штерна, когда она горела. Их руки и ноги отказывались слушаться, ими овладевал смертельный страх. Стоя здесь в темноте часами и зная, что смерть сто-

рожит и сзади и спереди, минутами хотелось или громко запеть что-либо веселое, или застрелиться.

— Сигнал дайте! — прерывающимся шепотом сказал министр стоявшему рядом с ним.

Мертвую тишину в ту же секунду прорезал пронзительный свист, услышанный даже на площади.

После свиста последовало несколько ужасных секунд гробового молчания, а затем треск. Три громилы, вскочив одним прыжком на площадку, в два молота ударили по дверям. Те лопнули, как ореховая скорлупа. Снизу и сверху в зияющую дыру, из которой виднелся свет, полилась вода, разбивавшая силой своей струи все попадавшееся ей на пути. Затем, сами не зная как, очутились двадцать человек на площадке и с нее полился в квартиру поток пуль.

Министр, спрятав лицо в руки, ждал.

Прошла минута, другая, прошло пять, прошло десять. Заколдованный порог не переступался. Каждому казалось, что если его перейти, неминуемо произойдет что-то ужасное. Но сзади застрекотали пулеметы и пули начали вбиваться в стены над головами толпившихся у порога. Немедленно же задние ряды втолкнули за порог впереди стоящих. Внутри с еще большим ожесточением вспыхнула стрельба, потом замолкла, потом снова вспыхнула, продолжаясь на этот раз добрых пять минут. Это пронизывали пулями маньяка, которого нашли на шкафу.

Обезумев от ужаса, скрючившись, с глазами, вылезшими из орбит, он тихо стонал. Пули рвали на клочки его тело, кровавая пена шла ртом.

Увидев свою жертву перед собою, люди начали приходить в себя. Двадцать человек выпускали в него свои патроны — мстя ему за пережитый страх.

Министр перестал дрожать. В доме все ожило. Всюду загорелись огни. Забегали вниз и вверх по лестницам. Но даже эти люди, привыкшие к таким карательным экспедициям, были изнурены пережитым. Труп унесли, а квартира № 213 наполнилась специалистами, собиравшими по всем комнатам разбитые на мелкие куски таинственные аппараты.

На углу двух улиц стал мощный автомобиль. Штерн взглянул на часы, было два.

«Началось!» — подумал он и вылез наружу.

Улица, в которой он очутился, была плохо мощена и еле освещалась. Вокруг были видны лишь силуэты лачуг, лепившихся друг к другу. Несмотря на убогость, мир, в котором он очутился, был ближе его сердцу, чем небоскребы столицы и стильные виллы, в которых ему довелось жить. Вдалеке виднелись огни столицы, освещавшие звездное небо. Когда он двигался вдоль изгороди, из подворотен, мимо которых он проходил, зло, с надрывом лаяли собаки. В соседней улице запел петух. Спутник Штерна, шедший впереди, остановившись у одной из калиток, произнес:

— Здесь, экселенция.

— Подождите снаружи, я пройду сам.

Сказав это, Штерн вошел во двор. К лачуге, стоявшей в глубине двора, вела грязная дорожка, видимо, сделанная неизвестно когда из кусков кирпича и отбросов. В окне лачуги виднелся тусклый свет. Бормоча проклятия, спотыкаясь на каждом шагу, Штерн благополучно добрался до освещенного окна и заглянул в него.

Керосиновая лампа, висевшая на стене, давала свет. Посередине комнаты за маленьким столом сидела очень старая женщина. Она раскладывала карты и громко сама с собой разговаривала.

— Разрешите к вам, Нана? Это я, Нана, — молящим голосом, приоткрыв окно, просил Штерн.

Старуха, не подняв головы, продолжала раскладывать карты.

Штерн, простояв под окном несколько минут, нерешительно взялся за ручку двери, открыл ее и вошел в комнату.

— Ведь сказала тебе я, чтобы духу твоего вблизи не было; а ты с кровопийцами своими опять приплелся. Недостаточно жертв у тебя? меня ночью мучить пришел! — грозя ему костлявым пальцем, медленно говорила старуха.

— Я не мог спать, Нана, волновался. Это в последний раз я беспокою вас; ну, сжальтесь, Нана!

Он стал на колени перед старухой, стараясь поймать ее костлявую сухую руку, чтобы прижать к губам. Старуха прятала ее от него за спину.

— А над другими ты сжалился? Да! А собственную мать сгноить в тюрьме за свою же подлость не было жалко? Нет? Сказал, а нет! Значит нет! Не цыганка я, чтоб тебе помощницей быть. Раньше я грешила, читала тебе, думала, образумишься. А ты вот какой! Кровью и меня забрызгал! Уходи, чудовище.

— Нана, только то, что будет сегодня, скажите! Скажете, Нана? Клянусь вам, никого не трону!

— Твоя клятва, изверг! Дай зеркало!

Взяв стоявшее на комодке зеркало, Штерн подал его ей.

— Смотри!

Штерн начал вглядываться.

— Видишь?

Все явственнее Штерн начал видеть комнату — в которую почему то потоками лилась вода, а бывший в ней человек лез на шкаф. Он повернул к нему свое лицо, обросшее волосами, оно было искажено ужасом. Затем комната начала наполняться людьми, каждый из них с остервенением стрелял.

«Поймали Орлицкого», — мелькнуло в голове у Штерна и вслед за этой мыслью к нему вернулась уверенность.

Видение исчезло. В зеркале он видел только себя и старуху.

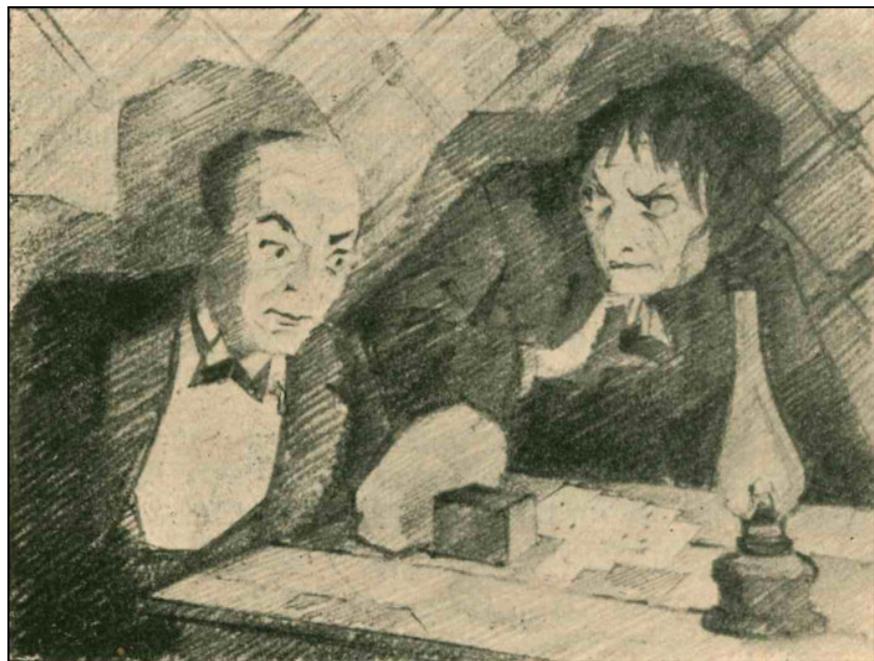
— Знаешь теперь, что хотел знать?

Штерн, не отвечая, презрительно посмотрел на старуху.

— А вот, как и когда околеешь, ты не знаешь еще? В крови ты прожил и в дыму умрешь, золотце мое! — с безумным огоньком в глазах, хихикая, произнесла старуха.

— Лжешь, старуха! Сегодня, дрянь, ты перешла все границы; ты мне — твоему Богу — кидаешь, старая ведьма, плевки в лицо! В дыму умру? А знаешь ли ты, как сама умрешь?

Быстрым движением он схватил одной рукой Нана за волосы, а другая его рука потянулась к ее горлу. С воплем Штерн бросился прочь от старухи — перед ним сидел жи-

вой труп, игриво манивший его пальцем. На полу беспомощно валялся парик. Ее ужасный оголенный череп давил Штерна. В безумную улыбку расплылся ее беззубый рот, а костлявая рука грозила ему.

Штерн выскочил наружу и, не помня себя, побежал через двор. Ему казалось, что костлявые руки старухи его душат, а перед ним мелькало ее лицо. Только на улице между детективами он начал приходить в себя. В автомобиле ему было холодно. У него зуб не попадал на зуб.

В приемной особняка Штерна, несмотря на то, что было только четыре часа утра, ждали его возвращения несколько лиц. Это был министр со своими чиновниками. Настроение у них было нервное, приподнятое. Слушая сальные анекдоты услужливого секретаря, общество весело посмеивалось.

Шум остановившейся у подъезда машины прервал их разговор. Захлопали двери и мимо них, бледный, как полотно, пробежал вверх по лестнице Штерн. Вбежав в столовую, он остановился у буфета. Болело сердце.

«Еще этого не хватало», — подумал он и, распахнув дверцы буфета, налил себе стакан коньяку.

Выпив его залпом, он почувствовал, как по телу проструилась приятная теплота, немного закружилась голова, но скоро перестала. Начала возвращаться самоуверенность. Пройдя несколько шагов по столовой, он почувствовал, что к нему вернулись силы и смелость. От пережитого оставалось только лишь ощущение легкой физической усталости. Бросив на пол пальто и шляпу, Штерн прошел в салон. Сев в кресло, ощутил, что его клонит ко сну. Вошедший на его звонок лакей сообщил, что его ждет министр.

С министром Штерн был очень любезен. В его глазах загорелся торжествующий огонек, когда он услышал про убийство Орлицкого. Когда к его рассказу он добавил, улыбаясь, несколько деталей, то министру показалось, что пол уходит из под ног у него. Остолбенели и остальные.

«Ведьма! — мелькнула у всех общая мысль. — Не иначе, как ведьма!»

Довольный впечатлением, которое произвели сообщенные им детали, со словами:

— Теперь вы можете, господа, быть уверены, что я не забуду услугу, которую вы принесли сегодня народу... — и Штерн отпустил их.

Оставшись сам, он задумался. Почему он не использовал сегодня возможность уничтожить эту проклятую Нана? Почему он сам себя лишил удовольствия испытать, как в его собственных руках замерла бы жизнь в теле этой ведьмы? Она чересчур много видела — она видела в будущем так же ясно, как он различает предметы вокруг себя. Главное же, что она все виденное ею помнит. Может ли она, свидетель его тайн, жить?

— Не может! — во весь голос прокричал Штерн, нажимая кнопку звонка.

На пороге салона появился низкий широкогрудый человек с бычачьей шеей.

— Помните, Педро, дом, откуда мы только что вернулись?

— Да, сеньор.

— Старуха, живущая там... одним словом, Педро, я хочу, чтобы до рассвета эта ведьма перестала жить! Вы меня поняли?

— Да, сеньор!

— Что же вы ждете? ведь время идет!

— Экселенция...

— Да говорите же, Педро. Хотите денег?

— Если экселенция будет так добр?

— На женщин, Педро?

Педро ослабиллся в ответ.

— Я думаю, что эта сумма удовлетворит даже и самую требовательную сеньориту. Скорей же берите и сейчас же на работу. Понял?!

Педро поцеловал руку, протянувшую ему банкноты и, крадучись, бесшумно исчез.

Штерн, зевая, направился в спальню. Перед трюмо он медленно разделся. Глядясь в зеркало, он напруг грудь,

пощупал свои мускулы, похлопал по бедрам и, подмигнув сам себе, сказал:

— Есть еще в нас, что любить! — и лег в кровать.

Через минуту он спал глубоким сном. Когда Штерн проснулся, часы на ночном столике показывали десять. Настроение у него было приподнятое.

Не одеваясь, он подошел к окну. Вдоль улицы двойными шпалерами стояли войска, посредине улицы разъезжали всадники. Солдаты, держа ружья «на изготовку», не спускали зорких глаз с окон домов. Дома казались обезлюдевшими, никого в окнах, никого на балконах, только всюду на каждом шагу развевающиеся флаги, а во многих окнах портреты Штерна. К одиннадцати Штерн закончил свой туалет. До выезда на торжества осталось несколько минут. Ожидая, когда стрелка часов покажет четверть двенадцатого, он начал гулять по комнатам. Проходя через кабинет, его взгляд упал на этажерку с бюстами. Их было много. Всех, кого отметила история, он собрал здесь. Отдельно от других стояли бюсты Бонапарта, хана Тамерлана и его. Несколько мгновений он задумчиво смотрел на них. Затем решительным движением руки из этой тройки, отстраняя Наполеона, произнес:

— Неудачникам здесь не место! — и, приветливо махнув рукой бюсту Тамерлана и своему, он направился в холл.

В холле ждали его шеф кабинета и секретари с ворохом телеграмм.

— От всех?

— Все прислали, экселенция.

— А эскадра?

Несколько услужливых рук быстро извлекли интересующую Штерна телеграмму. Ее стиль и тон понравились Штерну. «Из Мартини, пожалуй, еще будет толк», — подумал он. Надев цилиндр и взяв в руки перчатки, Штерн вышел на крыльцо. Его взгляд любовно остановился на стоявшем у подъезда белоснежном лимузине. По изящной линии машины никому бы в голову не могло прийти, что сделана она из лучшей панцирной стали; ее стекла также не могла бы пробить ни одна пуля. Внутри был столик красного де-

рева, на нем стояли в хрустальной вазе цветы, рядом с ними в атласном футляре лежала его речь. С сиденья шофер не был виден, его скрывала от глаз Штерна шелковая занавеска. Удобно сев, Штерн нажал кнопку. Лимузин в тот же миг плавно тронулся и поплыл между шпалерами войск. Громкоговорители объявили об этом событии миллионам, высыпавшим на улицу, чтобы лицезреть зрелище. Штерн, раскрыв конспект своей речи, углубился в него, а мягкий голос спикера сообщал ему, что происходит по пути его следования. Когда лимузин въехал на площадь, он уже сам слышал крики миллионов, а когда лимузин начал подыматься на помост, где ждал Штерна весь цвет федерации и все послы, толпа заревела в диком экстазе. Штерну вдруг стало жарко, он немедленно легким движением ноги включил вентиляторы, — струя свежего воздуха, ударяя прямо в лицо, приятно холодила. Штерн посмотрел в окно: слева под ним гудела толпа, а справа возвышался памятник. Когда автомобиль въехал на площадку, Штерн снова почувствовал, что ему жарко. «Все-таки панцирь имеет и свой недостаток», — подумал он.

Автомобиль стал, прошло несколько мгновений, но ни одна услужливая рука не распахивала дверцы. Штерн, сняв перчатку, взялся за ручку двери, но быстро с легким криком ее отдернул, — она была накалена. Он отдернул занавеску, скрывавшую от него шофера, тот, с искаженным от ужаса лицом, тщетно старался разбить окна. Лимузин начал наполняться дымом. Тлело сиденье, тлела обшивка, загорелся столик. Было нестерпимо душно и жарко, жарко. Вдруг вентилятор перестал работать. Штерн начал задыхаться и потерял сознание. Обморок был короток. От нестерпимой боли он быстро пришел в себя. Тлели подошвы, горела одежда. Вместо шофера сидела Нана и грозила ему пальцем. Штерн перестал чувствовать. Начало обугливаться его тело; он сошел с ума.

XVII

Когда эстрада рухнула и погребла под собой остатки лимузина, Орлицкий провел невидимой струей снизу вверх по полотнищам памятника. Запылав, полотнища упали, и бронзовый гигант предстал во весь свой рост. У ног памятника догорал костер. Народ, войска, дипломаты, пожарные в диком ужасе спешили оставить площадь. На краю площади толпа, прижимаясь к фасадам домов, задержалась. В ней любопытство победило страх. Фасады домов ожили; окна и балконы наполнились людьми, каждый ждал, что будет дальше. Авангард толпы, нарастая, катился дальше в пригороды, сея всюду панику и ужас. На устах у всех была та же фраза: «Штерн убит!» Орлицкий выпрямился, ему казалось, что ноги налились свинцом, ему хотелось одного — спать. Но мозг сверлила мысль: «А если придут сейчас?» — Делая над собой сверхчеловеческое усилие, Орлицкий снял трубку и вызвал Жана.

— Что с вами? — слышался тревожный голос Жана.

— Скорее!

Несмотря на все усилия Орлицкого, сон уже овладевал им. Вбежал Жан.

— Что снаружи, Жан? Забыли обо мне? Можно мне спать?

— Мне детективы только что рассказали, что войска перемешались с толпой, полиция исчезла, начинаются убийства и погромы магазинов. Народ раскладывает костры, чтобы тем же способом — огнем уничтожить всех агентов Штерна.

— Жан! вызовите радиостанцию и повторяйте мои слова. Скорее, Жан.

Старик быстро придвинул телефон к кушетке и сел рядом с Орлицким.

— Здесь кабинет правителя государства, пусть к аппарату подойдет директор, — произнес Орлицкий еле слышным шепотом.

Как эхо, голосом, исключаящим сомнение, повторил эти слова Жан. В трубку он услышал, как настала беготня, потом переключение телефона, пока в аппарате не послышался перепуганный голос:

— Директор у телефона, экселенция.

Жан улыбнулся, он начал входить в роль и суровым голосом продолжал говорить то, что ему шептал Орлицкий:

— Записывайте, — опять беготня, шелест бумаги и тот же перепуганный голос заявил, что он готов.

— По воле трагически погибшего правителя Цезаря Штерна его наследником является капитан О'Генри. Так как он находится в отпуске за границей, то совет министров постановил на своем сегодняшнем экстренном заседании возложить до возвращения экселенции О'Генри выполнение этих обязанностей на адмирала Мартини.

Жан оглянулся — Орлицкий спал.

— Следует подпись, — произнес мрачно Жан.

— Кого, экселенция?

— Всех членов совета министров.

— Слушаюсь, экселенция!

— Повторите текст, — сказал Жан.

Директор повторил.

— Когда вы приступите к эмиссии?

— Через две минуты.

— Получив подтверждение от адмирала в приеме телеграммы и уведомление, что он вступил в должность, весь материал вы должны немедленно передать всем редакциям. Поняли?

— Понял, экселенция.

— Не забудьте, что министры не разойдутся, пока не появятся экстренные издания. Вы понимаете, что вас ждет, если не выполните точно поручение?

— Чересчур хорошо, экселенция.

Директор вытер пот, выступивший у него на лбу, и бросился на эмиссионную станцию. «Сдох! — думал он про Штерна, — а даже мертвый порядочным людям не дает жить». Директору повезло, ему удалось быстро установить связь с эскадрой.

Жан перенес Орлицкого на кровать, раздел его и сел у изголовья. Изредка он выходил на балкон. С балкона было видно, как, взобравшись на пьедестал памятника, ораторы кричали что-то толпе, но безуспешно. Толпу интересовали лишь обгоревшие остатки лимузина и помоста. Каждый пытался из пожарища унести что-либо на счастье. Попытка жандармов увезти остатки лимузина пропала, а попытка их разогнать палашами толпу кончилась тем, что кони без всадников под улюлюканье толпы разлетелись по городу. Толпа чувствовала, что она хозяйин положения.

— Уф! — произнес директор, — тяжело! Ну кто, кроме меня мог бы в такое короткое время сделать это? Никто! А что мне дадут за мою работу? — уютно развалившись в кресле, мечтал толстяк. — Я бы хотел орден, так и скажу: дайте мне орден, только не какой-нибудь там маленький, невидный орден! Нет, большой, первоклассный орден! Должны дать; ведь если бы не я, что бы здесь было? Анархия! Да, — убеждал он сам себя, — анархия. Значит, я спас государство от анархии. Спасителем государства, можно сказать, стал в некотором роде.

У подъезда радиостанции остановились два легковых и один блиндированный автомобили.

— Вы директор? — спросил мрачный полицейский.

— Да! — радостно ответил толстяк, — все выполнено в рекордное время.

— Это ваша работа? — протянул ему полицейский экстренный выпуск газеты.

Директор не успел ответить, так как два дюжих парня втащили его в автомобиль и караван поехал обратно.

В совете министров все были налицо. Перед каждым членом правительства лежал экстренный выпуск газеты.

— Это, это, господа, невиданно! Это дело военной клики! Вы слышали, что моряки разоружили отряды особого назначения, а летчики сменили на постах полицейских. Нужно действовать.

Слова звучали вяло, настроение у всех было подавленное. Ввели директора, перепуганного насмерть. Стоя между

двумя детективами, он, испуганно озираясь вокруг, рассказал про то, как все произошло.

— Награду обещали!

— Мы вас, мерзавца, в награду расстреляем.

Распахнулась неожиданно дверь. Снаружи послышались выстрелы. Зала наполнилась матросами, державшими ружья наперевес.

— По приказанию правителя О'Генри и главнокомандующего Мартини, до их возвращения вы будете интернированы на судах.

Министры стояли, понуря голову.

— Ведите их!

Матросы окружили министров и повели, подталкивая прикладами. С ними повели и директора.

XVIII

На аэродроме гигантский аппарат был готов к полету. Заработали пропеллеры. Из окон кабины Нелли, О'Генри и Мартини махали платками. Гигант грузно отделился от земли. Одновременно дав салют, эскадра, подняв якоря, тоже устремилась в направлении Европы. Все население, как зачарованное, смотрело вслед, пока не исчез на горизонте и последний дымок. Уже толпы туземцев покинули аэродром, а Осаки, не отрываясь, смотрел вслед аэроплану. Ему казалось, что Нелли еще машет ему платком. Осаки не делал иллюзий. Он знал, что сейчас Нелли ушла из его жизни уже навсегда. Если и доведется ему ее увидеть, то только на ее свадьбе с О'Генри.

— Довольно, Осаки! — произнес подошедший Билль.

Взяв за руку, он повел его к автомобилю, в котором их ждали Лиза, Элен и Стеверс.

III часть

ПРИЗРАКИ

I

Арнольд проснулся. Ощупью найдя спички и папиросы, он закурил. Голова горела. Сон исчез, оставив после себя какой-то гнетущий осадок не то пережитого наяву, не то виденного во сне. Электрические часы мелодично пробили три.

— Что делать? — подумал Арнольд. — Зажечь свет и начать читать? Засну под утро и не проснусь вовремя. Не зажигать света еще хуже.

Так резонируя, Арнольд протянул руку и лампочка на ночном столике зажглась. Случайно его взгляд упал на подоконник. От угла столика до подоконника тянулась паутина. Вблизи паутины сидела, притаившись, стрекоза. Ошеломленный светом паук застыл на месте. Стрекозу же свет оживил. Сцена заинтриговала Арнольда.

— Предположим, что балерина паук, а дядя стрекоза.

Улыбнувшись нелепости такого сравнения, он рассмеялся. Потушив свет, Арнольд попытался заснуть. Закрыл глаза, старался ни о чем не думать. Это не помогло. Тогда он начал множить в уме трехзначные цифры на трехзначные — не помогло и это. Перед глазами то и дело появлялась грустная головка Бэби. Одновременно мелькала одна и та же назойливая мысль:

— Почему Бэби не поцеловала вчера? Как нужно понять ее фразу, что она не намерена менять свой теперешний образ жизни?

Не находя ответа на мучившие его вопросы, Арнольд снова зажег свет. Паук, казавшийся пигмеем рядом со стрекозой, успел очень ловко опутать паутиной одно крыло стрекозы. Свет лампочки вернул стрекозе силы. Она начала биться. Но все ее усилия ни к чему не привели.

— Здорово работает, — подумал Арнольд, — таким же пигмеем казался и дядя, когда лез к власти. Долоз же!

— Но почему Бэби вдруг переменяла свое отношение ко мне? — подумал Арнольд, — она последнее время постоянно бывает в обществе Лили, Вальдена.

— Да, кстати, — забыв про сон, рассуждал сам с собою Арнольд, — чем занимается Вальден? Почему он так интересуется канализацией столицы? Зачем ему нужны эти бесконечные справки, которые он берет у нас? Все это очень странно. А не в связи ли это с заявлением дяди? — вдруг осенила Арнольда внезапная догадка. — Ведь он как-то утверждал, что корпорация создала у нас сеть агентов, что они руководятся из какого-то центра, лучше оборудованного, чем наши самые совершенные фабрики и лаборатории. Но это все не страшно, — вдруг решил Арнольд. — Дядя же хвастался, что сумеет во время на них наложить лапу. Лапа же у него удивительно тяжелая, — уже сквозь сон прошептал Арнольд.

Во сне он увидел себя идущим за городом. Он шел по кладбищу мимо заросших травой могил. Вдруг надгробная плита на одной из могил приподнялась и из могилы вышел Вальден. Арнольд сделал вид, что его не заметил. Но Вальден, как только он поравнялся с ним, окликнул его.

— Здравствуйте, коллега!

У Вальдена была на лице ироническая улыбка.

— Здравствуйте, — холодно ответил Арнольд.

Не обращая внимания на враждебный тон, с которым с ним поздоровался Арнольд, Вальден непринужденно спросил его:

— Вы обратили внимание, коллега, из чьей могилы я вышел?

Бегло взглянув на плиту, Арнольд почувствовал, что ему становится жутко. Надпись гласила:

«Журналист Никлая, безвременно погибший 6 августа 2. .0 года».

— А знаете, коллега Арнольд, кто был Никлая? — не унимался Вальден.

Арнольд молчал, наблюдая за Вальденом. Глаза Вальдена стали холодными, жесткими, не предвещавшими ничего хорошего.

— Он был агентом вашего дяди, — после короткой паузы произнес он, смотря в упор на Арнольда.

От этих слов по телу Арнольда пробежали мурашки.

— Ну хорошо, Вальден, я-то при чем здесь? — пролепетал в ответ Арнольд.

Вальден зловеще улыбнулся.

— Разве не знаете вы, племянник своего дяди, что яблоко от яблони далеко не падает?

Фраза Вальдена задела Арнольда за живое. Он вспыхнул и, забыв про страх, который ему внушал Вальден, резко сказал ему:

— Меня мало интересует ваше мнение.

— А мнение Бэби вас интересует? — не задумываясь, возразил ему Вальден.

«Колдун какой-то, все знает», — решил Арнольд, почувствовав себя совершенно беспомощным перед Вальденом.

— Интересует, — тихо сказал он, собравшись с духом.

— Интересует? — расхохотался Вальден. — Так знайте же, что именно она сказала это про вас.

Видя, что Арнольд сокрушенно молчит, он добавил:

— Дядя-то теперь вас вместо Никлая использовать хочет, берегитесь!

Арнольд проснулся. Взглянув на часы, он увидел, что опоздал на службу. Рассеянно одеваясь, он пытался вспомнить, что видел во сне. Восстановить сон ему не удалось. Отодвинув ночной столик, он увидел убегающего паука. Одевшись, держа в руке шляпу, ему захотелось увидеть, что случилось с стрекозой. Под подоконником ее не было. С трудом, по паутине, Арнольд нашел стрекозу между стеной и письменным столом. Опутанная паутиной стрекоза не подавала признаки жизни.

«Доконал-таки», — с сожалением подумал Арнольд и пошел на службу.

Подходя к дирекции треста, управлявшего хозяйством столицы, Арнольд вспомнил надпись на надгробной плите:

«Безвременно погибший журналист Никлая».

— Да, да, Никлая, — машинально повторил он, входя в подъезд треста. — В чем дело, почему это имя так знакомо мне? — повторил он про себя перед дверьми своей канцелярии. Заглянув на минуту в свой кабинет, Арнольд сейчас

же вышел наружу. В коридоре он встретил старика-служителя.

— Якоб, — обратился к нему Арнольд, — слышали ли вы когда-нибудь имя Никлая?

После минуты раздумья старик произнес:

— Как же, слышал, помню я господина Никлая, очень даже хорошо помню. Там, этажом выше, служил он, — показывая пальцем в потолок коридора, произнес старик.

— Что стало с ним, Якоб? Где он сейчас? — нетерпеливо спросил старика Арнольд.

Очередь удивляться пришла для Якоба.

— Да неужели не знаете? — вытаращив на Арнольда удивленные глаза, проговорил старик. — Все газеты об этом писали.

Арнольд вспомнил. Год-два тому назад — он не помнил именно когда — журналист Никлая на шумел своими разоблачениями. Он открыл, по его словам, мафию, угрожающую общим интересам. Пробыл даже неделю где-то под землю в роли их пленника. Затем сумел бежать. Мафия, судя по его статьям, была прекрасно организована. Она была малочисленна, но сумела обеспечить себя информацией буквально обо всем. Трудно было определить, где кончалась правда и где начиналась фантазия журналиста. Статьи имели успех. Общественное мнение взбудоражилось. Одни верили Никлаю, другие не верили, но все сходились на том, что нет дыма без огня. Зашевелилась в конце концов и полиция. Всем казалось невероятным, что в руках мафии могли быть такие аппараты, с помощью которых можно было видеть на любом расстоянии и за любыми преградами. По окрестностям столицы в поисках входа в подземное царство мафии начали рыскать сотни добровольных детективов. На окраинах и во многих местах центра перерывали подвалы, овраги, выстукивая все сомнительные стены и полы. Появились на сцену вытасченные из музеев волшебные палочки, ряд специальных инструментов, но ничего не добились.

Убедившись в бесплодности поисков, начали склоняться к тому, что вся история с мафией чистый вымысел. Ник-

лая упорствовал на столбцах своей газеты. Тогда полиция потребовала у него доказательства. Доказательств не было. По городу поползли слухи, что никакой мафии нет, а что все это затеяно лишь для того, чтобы дискредитировать правительство. Никлаю грозил арест.

Неожиданно для всех Никлая вдруг исчез. В записке, оставленной им, стояло всего несколько слов:

— Не ищите, вернусь с доказательствами.

Как всегда, мнения разделились. Одни с нетерпением ожидали возвращения Никлая, предвкушая сенсацию. Другие утверждали с пеною у рта, что это лишь трюк, чтобы избежать ответственности. Прошла неделя, месяц... об Никлае забыли. Вспомнили о нем лишь через полгода, когда в разложившемся трупe утопленника кто-то его случайно опознал.

Незаметно для себя Арнольд очутился на улице. Скрип тормозов амфибии, чуть не наскочившей на него, напомнил ему о действительности.

— Какой вы смешной! — произнес рядом с ним приятный женский голос.

Арнольд обернулся. Мимо него проходила, улыбаясь, Лили, одна из Бэбиных подруг.

— Не разговаривайте сами с собой на улице, а то иначе вас разлюбит Бэби, — с ласковой улыбкой бросила ему она, скрываясь за углом.

Арнольд не нашелся, что ответить. Пройдя несколько шагов, он по ассоциации вспомнил про Вальдена, а затем сейчас же вспомнил до мельчайших подробностей весь сегодняшний сон.

II

На полотне разыгрывалась сентиментальная фильма.

Глава мощного треста брал в жены девушку, прельстившую его своим умением делать на аэроплане мертвые петли.

— Знаете что, Вальден, — произнесла миловидная шатенка, обращаясь к своему соседу.

— Что, Лили? — рассеянно отозвался сосед.

— Я не выйду за вас замуж.

— Это вы серьезно говорите? — произнес он после короткого раздумья.

— Совершенно серьезно.

— Но почему, Лили?

— Видишь ли, т. е. видите ли, вы мне нравитесь. К вам влечет та таинственность, которой вы себя окружили. Но узнаю вас, как следует, перестанете быть необыкновенным и...

— Милая Лили, только поэтому вы решили не выходить за меня замуж? — спросил ее, улыбаясь, Вальден.

— Не перебивайте меня. И потому и по другому. Вы думаете, забавно щебетать около вас, когда вы сидите, нахмурившись, как сыч, неизвестно о чем думая. Я пришла к убеждению, что вы только притворяетесь, что внутри вас есть какая-то интересная духовная жизнь. Так что вам, Вальден, от сегодняшнего дня больше нечего будет ревниво скрывать от меня, — скороговоркой закончила Лили. — А кроме, того вы не танцуете, — помолчав минуту, добавила она.

— Простите, Лили, вы что-то сказали? — прервав свои размышления, спросил Вальден.

— О небо! Как вы несносны, Вальден. Я сказала, что вы меня не любите! Я сказала, что вы на меня смотрите, как на шута, интересного только тогда, когда он весел и кривляется. Я сказала...

— Лили, хотите мороженого? — мягко прервал ее Вальден.

— Хочу.

— Какое же, Лили? Ты любишь сливочное?

— Люблю.

— А абрикосовое?

— Люблю.

— Шоколадное?

— Люблю.

— Какое же ты из них любишь больше других?

— Тебя, Вальден.

— Пожалуйста, два шоколадных с кремом, — бросил Вальден продавщице. — Лили, задумывалась ли ты над тем, что большинство людей в большей или меньшей степени напоминают собой какое-либо животное?

— Да, Вальден, я обращала на это внимание, — ответила Лили, набрав полный рот мороженого.

— Лили, — не унимался Вальден, — ну, а кого я тебе напоминаю?

— Ты? — произнесла удивленно Лили, перестав есть мороженое. — Ты напоминаешь рыбу.

— Почему рыбу? — возмутился Вальден.

— Во-первых, ты разговорчив, как рыба; во-вторых, твой темперамент мало отличается от рыбьего; в-третьих, я люблю раковые шейки; в-четвертых, не мешай мне есть мороженое, так как оно иначе растает.

— Что? Не нравится? — кончив есть мороженое, спросила Лили.

Вальден пожал плечами.

— Я задал тебе серьезный вопрос, а ты в ответ нагородила глупостей.

— Ах, так! — вспылила Лили, — ты становишься дерзким и грубым, не хочу выходить замуж за тебя.

— Лили! Вместо того, чтобы сердиться, съешь еще мороженого.

Вздыхнув, Лили покорно сказала:

— Что же? Так как ты меня не любишь, ничего другого не остается.

Принесли мороженое. Взглянув украдкой на Вальдена, задумчиво слушавшего музыку, Лили произнесла:

— Я тебя, Вальден, все-таки люблю.

— Я боюсь, — не поворачивая головы, произнес Вальден, — что это тебе только кажется.

Лили рассердилась.

— Опять за старое. Я ему, можно сказать, свою душу раскрываю, а он ее живую, трепещущую, хватает немытыми руками и сейчас же под микроскоп, а потом начинает

мудрствовать: витаминов, мол, у вас столько-то, объем такой-то, шарики такие-то. Да пойми же, Вальден, что это невыносимо.

В глазах у Лили появились слезы.

— Но, Лили... — попытался раскрыть рот Вальден.

— Никаких но! — вытерев слезы, остановила его Лили.
— Здесь, можно сказать, за порцией шоколадного мороженого человек от любви умирает, а он только и знает глупости говорить.

— Что ж я сказал такого, Лили?

— А не говорил ли ты, что любовь есть ни что иное, как комбинация: полового влечения, возбужденного любопытства, задетого самолюбия и несознательного отношения к жизни.

— Ну, говорил как-то что-то в этом духе, — с досадой сказал Вальден.

— До свидания, — произнесла Лили, покидая столик.

Вальден испугался.

— Лили, ты рассердилась на меня? Куда ты идешь?

— К телефону.

— Зачем же, Лили?

— Как зачем? Чтобы дать знать домой, что я проведу весь вечер у Бэби.

— Ничего не понимаю, Лили.

— Какой ты глупый; у Бэби нет телефона и никто не сможет проверить, была ли я у нее или нет.

Вечер был в разгаре.

Кончив ужинать, Лили и Вальден наблюдали за танцующими. Облокотившись на перила ложи, Лили взяла Вальдена за руку.

— Вальден, ты мне веришь?

— Верю, Лили.

— Ты мне скажешь правду?

— Скажу.

— Куда ты исчезаешь каждую субботу?

— На работу, Лили.

— Ты не можешь не врать, Вальден? — выпустив его руку, произнесла со вздохом Лили. — Никто в твоём предприятии по праздникам не работает.

— Я в другом работаю, Лили.

— В другом? А что ты там делаешь?

— Самые разнообразные вещи.

— А именно?

— Ну, например, мою окна, убираю помещение.

— Неужели, Вальден, ты не можешь со мною серьезно поговорить? — вырвалось с укором у Лили.

— Ну, работаю в нем по специальности, если тебе так хочется знать.

— Если человек работает, — ответила Лили, пристально посмотрев на Вальдена, — то его труд оплачивают. Ты же сам тратишь деньги. Скорее всего, — отодвигаясь от Вальдена, сказала Лили, — в этой твоей работе какая-то женщина замешана. Скажи, Вальден, кто она? — уже молящим голосом попросила Лили. — Ну, скажи, блондинка, брюнетка? Не томи, Вальден. Я хочу, я имею право знать, кто тебя у меня отнимает.

— Понравился ли тебе, Лили, этот танец?

Попытка переменить тему для разговора не удалась.

— Ну, скажи, кто она? — не унималась Лили.

— Это, наконец, просто скучно, — рассердился Вальден, — при чем здесь женщины — большие и маленькие, рыжие и серые — они в одинаковой мере меня не интересуют.

— Так я тебе и поверю, — насмешливо возразила Лили. — Рыжими и серыми бывают кошки, а не женщины, это во-первых. — Затем, подумав, добавила: — А раз тебя женщины не интересуют, значит, и я тебя не интересую.

— Лили, — примирительным тоном, желая загладить свою ошибку, обратился к ней Вальден, — я на днях должен буду надолго уехать.

Лили вздрогнула.

Сделавшись серьезной, она ласково спросила Вальдена:

— Значит, ты уедешь, так и не сказав мне правды?

— Какую правду ты хочешь знать, Лили? — смотря на нее любящим взглядом, спросил Вальден.

— Ты к чему-то стремишься, чего-то добиваешься; чего, Вальден?

— Что-то во мне заставляет искать новых путей, создавать новое. Существующее не удовлетворяет; оно как-то умудряется быть одновременно и хрупким и реальным.

— Хрупким? — удивилась Лили, — разве я хрупкая? разве хрупкий этот стол?

— Не в этом смысле, дорогая, я сказал «хрупкий», мы поговорим об этом в другой раз.

— Хорошо, Вальден, а куда ты едешь, это далеко отсюда? Там красиво?

Вальден засмеялся.

— Значит, опять по-старому, — надувшись, сказала Лили. — Даже куда едет, не хочет сказать. Значит, ты бросаешь свою карьеру здесь?

— Бросаю, Лили, — покорно подтвердил Вальден. — А когда я устроюсь, ты переедешь ко мне, Лили? — неожиданно задал он вопрос.

Лили пожала плечами.

— Ты меня ставишь в ужасное положение, Вальден.

— Чем же, Лили?

— Подруги меня спросят: — «Где ваш жених?» Я отвечу: «И близко и далеко». Они меня спросят: — «Чем занимается ваш жених?» Я им отвечу: — «И занимается, и не занимается. Так они, Вальден, меня засмеют, а ведь другого, по совести говоря, я ничего не смогу им ответить.

— Постарайся, Лили, не говорить с ними об этом теперь.

— Хорошо тебе говорить: не говори, — раздраженно ответила Лили. — То есть, как это не говорить? Ведь они мне рассказывают про свои увлечения, спрашивают про тебя.

— Лили! поздно, уже гасят свет. Скажи, согласишься, когда я позову тебя, поехать ко мне, где буду только я с моими проектами и друзьями?

— Подумаешь! — произнесла, иронически засмеявшись, Лили.

— Лили, перестань балаганить! Да или нет?

— А Неро я могу взять с собою?

- Зачем тебе этот урод?
— Сам ты урод, а не Неро.
— Лили, уже все ушли. Нам нельзя больше оставаться, нужно идти. Как ты решила?
— Может быть да, может быть нет, — прижимаясь к Вальдену, сказала девушка.

III

Человек одиноко стоял среди поля. Его взгляд с какой-то непонятною тоскою был устремлен на горизонт, залитый огнями столицы.

Он был нечувствителен к красоте далеких огней, обрисовавших на ночном небе контуры города. Тяжело вздохнув, он оглянулся вокруг и прислушался. Тишину, царствующую вокруг, кое-где прерывало только кваканье лягушек и шелест травы. Крадучись, зорко смотря по сторонам, он сделал несколько шагов и замер, вслушиваясь в тишину. Его напряженный слух нигде не мог уловить никакой подозрительный звук. Человек снова остановился. Внутренний голос указывал ему на то, что тишина обманчива; он намекал на таящуюся в ней опасность. Человек заколебался, идти вперед или вернуться. Внутренняя борьба продолжалась недолго. Огни, гипнотизируя, манили его к себе. Как мать зовет дитя — звал его город.

В нем заиграла кровь.

— Довольно с меня, не раб я им, не соучастник, чтобы оставаться здесь. Я хочу жить!

— Никлая! — слышалось где-то вблизи.

Голос, казалось, вышел откуда-то из-под земли.

Человек вздрогнул.

«Хватились меня», — пронеслось у него в голове.

Звуки голоса, дошедшего до него, в одно мгновение преобразили его лицо. Оно стало заискивающе-любезным, как будто звавший Никлая был рядом с ним. Поборов страх, Никлая сделал шаг вперед. С лица исчезла заис-

кивающая улыбка. Постояв с минуту, как бы советуясь с отблесками манящих его огней, он решил. Огромный скачок... и Никлая стрелой полетел в направлении города.

Мчась, Никлаю показалось, что город залитый светом, побежал ему навстречу. Вот на него налетела главная улица. Замелькали знакомые витрины, фланирующая толпа, запрудившая тротуары. В ушах зазвенели знакомые фразы. Все было по-старому. Только костюмы казались наряднее, а не замечаемые раньше мелочи бросались в глаза.

На душе у Никлая стало радостно. Почувствовав знакомые лица, он ощутил себя старым Никлаем, веселым, энергичным, всегда готовым к авантюре. Вот переулок, в котором расположилась редакция. Угол заставлен столиками с завсегдатаями, сидящими за ними. Те же ищущие взгляды, посылаемые ими каждой женщине. Внутри кафе, за колоннами находилось любимое место Никлая. Там попеременно коротала время богема столицы, золотая молодежь и милые славные грешницы. Как правило, все милые создания были иностранки.

Это было не для всех, только для круга, в котором вращался Никлая. Радостный удивленный возглас, стереотипный вопрос, как давно не встречались, и строгое лицо смягчалось. Гизела, Мэри или Соня становились приветливыми. Оба входили в роль старых знакомых. Появлялся коктейль. Разговор, не выходя из границ их интересов, непременно лился о событиях на подмостках варьете, о скандалах, об удачных ангажементах. Расставались довольные друг другом.

На дне переулка возвышался купол небоскреба, вмещавший в себе редакцию. Из него струились огромные огненные буквы, вписывая в темноту те новости, которые в одном из нижних этажей огромные ротаторы вжимали в бумагу. Огненные буквы, в лихорадочном беге, приходя из неизвестности, нанизываясь друг на друга, создавали слова. Слова объявляли новость. Объявив, они таяли во мраке. На смену им купол слал новые.

Вдруг все исчезло. Не стало огней, города. Никлаю показалось, что у него под ногами расступилась земля. Он упал

в ров, преградивший ему дорогу. Вынырнув на поверхность, он попытался выкарабкаться. Его отчаянные попытки не привели ни к чему. Руки скользили по глине. Трава, за которую Никлая судорожно хватался, обрывалась. С каждой попыткой освободиться его туловище все глубже, все прочнее увязало в дно.

Над обрывом послышались шаги. Услышав их, Никлая притаился. Когда голоса подошедших зазвучали у него над головой, он нырнул.

— Быстро обыщите береговые кусты!

— Это излишне, Вальден, — произнес шедший рядом с ним. — Видишь, вот след Никлая!

— Все это так, — ответил Вальден, — но Никлая нигде нет.

Подошедшие люди разделились и пошли влево и вправо вдоль рва. Обшарив все кусты, они вернулись ни с чем. Вальден приказал зажечь свет. Поверхность воды, наполнявшей ров, была спокойна. У самой воды, зацепившись за несколько травок, сумевших прилепиться к отвесу стены, что то белело. Внимательно рассматривая найденный платок, нашли на нем инициалы Никлая. В воду спустили фонари. На дне обрисовался силуэт дерева, полужасосанного илом. Немного дальше у корней что то покачивалось.

— Не он ли? — вырвалось у одного из пришедших.

— Осветите! — порывисто бросил Вальден.

Через минуту никто уже больше не сомневался. В корнях ствола лежал утопленник. Прячась, Никлая в страхе запутался в корнях и утонул. Корни крепко держали свою жертву. Их пришлось отсечь.

— Никлая сдержал случайно свое слово, — сказал Вальден, когда двинулись домой, неся с собою утопленника, — он вернулся.

IV

Дикий ужас, навешанный пернатым хищником, постепенно проходил. По неровному ходу, высеченному в горе, катился маленький серый комочек. Постепенно комочек начал замедлять свой бег. Крутом царствовала могильная тишина. Иногда мышонку чудилось, что слышит удары своих лап о гранит. Нервно подергивая усиками, он остановился. Осмотревшись, ему стало не по себе. Не было слышно привычных шорохов. Запахи кругом были ему незнакомы. Сердце мышонка сжалось от страха. Снаружи на склонах горы, в расщелинах скал, особенно когда пригревало солнце, было легко и просто. — Как я был глуп, — тоскливо подумал он, — что не слушался старших. Разве не предостерегал меня дядя о невидимых врагах, следящих за каждым шагом? Дядя, мудрая, старая, с облезшей шерстью мышь, многое пережил. Сколько раз он повторял: не будь любопытен, избегай открытых мест, бойся теней, вдруг появляющихся неизвестно откуда. Утро было особенно радостно. Восходящее солнце особенно приветливо ласкало сегодня гранитные склоны. Стая мышат, купаясь в солнечных лучах, резвилась, радуясь жизни. Играя, они удалились от расщелины, где ютились их норы.

Сверху на них упала тень. Увлеченные игрой, мышата не обратили на нее внимания. Через мгновение на них камнем упал ястреб. Мышонок, избежав чудом ударов клюва и когтей, юркнул в сторону. Воздух огласился пронзительным предсмертным писком его друзей. Пока они бились в агонии, он вполз под камень. Оттуда, ободрав до крови лапы и мордочку, он втиснулся в дырочку, бывшую чересчур узкой даже для него. По ней он дополз до хода, по которому понесся, как бешеный. Простояв в раздумье некоторое время, мышонок нерешительно побежал вперед. К запаху, исходящему от неровных, сырых стен, присоединился чуть заметный новый запах. Мышонок уловил его. Хищно задрав кверху мордочку, он задергал ею, тщетно пытаясь выяснить характер запаха. Голос внутри его совето-

вал быть осторожным. Колебался мышонок недолго. Он был голоден. Желание есть победило. Быстро, быстро засеменя ножками, мышонок побежал навстречу запаху. Запах то исчезал, то появлялся вновь, щекоча его ноздри. Чем сильнее нарастал запах, тем острее давал о себе знать голод. Мышонок не замечал, что там, где он бежал сейчас, изредка попадались следы людей. Вдруг запах ушел вверх. Мышонок привстал на лапки. Запах вел к небольшому четырехугольному отверстию, высеченному в стене. Прилепившись к стене, в одно мгновение мышонок вполз по ней вверх. На отверстии лежала кучка зерна. Забыв про все на свете, он ринулся к ней и замер. Из глубины отверстия на него властно смотрели два глаза. Глаза приказывали. Мышонок съежился и жалким сереньким комочком пополз к ним. Скатившись со стены вниз, он беспомощно застыл у ног фигуры, сидевшей на корточках внутри каменного мешка. Другого выхода из каменного мешка, кроме отверстия не было. Фигура скорее напоминала мощи, чем человека. Тело, торчавшее из-под полуистлевшей материи, было серо от пыли. Только огромные глаза, смотрящие особенным взглядом, говорили о том, что человек жив. Когда жалким сереньким комочком мышонок упал к ногам фигуры, лицо ее с глубоко запавшими щеками подернулось. Оно растянулось в гримасу, которая должна была, вероятно, означать улыбку. Мышонок перестал интересоваться фигурой. Она погрузилась в созерцание. Человек начал освобождаться от влияния телесной оболочки. Человек начал овладевать собою. Его взор сначала смутно, потом все яснее, начал улавливать происходящее вне окружавшей его гранитной толщи. Горы окаймляли долину с небольшим, стоящим в ее центре храмом. В уступах гор ютились кельи ламаитов. Десятка три одетых в сутаны людей работали в разных концах долины. У паперти храма бил родник. Ущельем долина соединялась с другой, большей долиной. В ней мирно пасся скот. За храмом была пристройка. Взор, обежав долину, проник в него. В нем человек, обросший большой бородой, похотливо смотрел на стоящего перед ним подростка. Мальчик съежился, напоминая зверька, не-

ожиданно очутившегося лицом к лицу с врагом. Взор фигуры, безучастно скользнув по ним побежал дальше, на лужайку.

На высоте куполов храма над лужайкой навис огромный черный предмет. Проникнуть внутрь взгляду не удалось. Что-то мешало. Напряжение утомило фигуру. Образы извне стали становиться все расплывчатее. Фигура впадала в забытие.

«Церон» осторожно снизился на лужайку. На опоясывавшей его площадке появились люди. Первым на землю сошел Орлицкий, за ним с портфелем в руках сошла Рита. Остальные остались на «Цероне», с любопытством рассматривая долину.

— Рита! — улыбаясь, обратился Орлицкий к девушке.

Девушка поравнялась с ним, не спуская глаз с благообразного старика, вышедшего на папёрть храма.

— Сейчас мы проверим, насколько вы заслужили ваш диплом лингвиста.

— Вы опять смеетесь, — обиженно произнесла Рита.

Заунывный звук рога прервал их разговор. К храму со всех концов долины начали стекаться ламаиты. Солнце ушло за горы. Начинались сумерки. Не спеша, Орлицкий и Рита подошли к храму. Старик, окруженный ламаитами, спустился с крыльца и, сделав несколько шагов в их направлении, остановился. На почтительный поклон Орлицкого ему ответили легким кивком головы.

— Скажите им, Рита, — произнес Орлицкий, — что я хочу говорить с Осаки.

Рита бегло перевела слова Орлицкого. Знание Ритой их языка поразило ламаитов не меньше, чем появление «Церона». Первым пришел в себя от удивления старейшина.

— С братом Осаки нельзя говорить, — отрицательно покачав головой, сказал он, — это запрещает наш устав.

Ответ старейшины рассердил Орлицкого.

— Я хочу видеть Осаки, — вспыхнул Орлицкий.

Старейшина, улыбнувшись в ответ, снова отрицательно покачал головой. Обернувшись к «Церону», Орлицкий по-

дал знак. Стоявшие на его палубе сейчас же скрылись внутри.

— Спросите, пожалуйста, старейшину, — обратился к Рите, овладев собою, Орлицкий, — разрешает ли их устав быть им убийцами?

Волнуясь, Рита перевела слова Орлицкого. Ламаиты возмущенно заволновались. Побагровев от злости, старейшина замахнулся на Орлицкого посохом. Рите стало страшно от искаженных злобой лиц. Экипаж «Церона» с площадки озабоченно следил за происходящим внизу. Вдруг все вздрогнуло. С треском за кельями откололся большой кусок скалы. Из образовавшегося отверстия заструился густой черный дым. Ламаиты, объятые ужасом, жались друг к другу. Старейшина выпустил из рук посох. Страх, обуявший ламаитов, привел Орлицкого в хорошее настроение.

— Рита, — обратился он к побледневшей от испуга девушке. Голос Орлицкого и его прикосновение вернули девушке бодрость. Как только ламаиты немного очнулись от пережитого страха, Рита передала им распоряжение Орлицкого: передать ему письменный договор, заключенный ими с Джильотти, и привести Осаки. Срок Орлицкий дал до полночи.

Пропустив впереди себя Риту, Орлицкий поднялся на палубу. Взойдя на нее, он жестом пригласил бывших на ней последовать за ним во внутрь «Церона». Не дожидаясь вторичного предложения, толкая друг друга, все устремились за Орлицким. Когда в просторной кают-компании воцарилась тишина, Орлицкий начал присутствующим объяснять цель ихнего рейда.

— Я хочу, сказал он, — чтобы каждому из вас было бы все происходящее здесь настолько же ясно, насколько оно ясно мне. Ламаиты, не знаю точно когда, превратились, благодаря Джильотти, в наших заклятых врагов. Они стали врагами, не зная нас, с трудом представляя себе, где находится наше государство. Джильотти эту группу, даже в прошлом не отличавшуюся святостью, превратил в одно из самых страшных своих орудий. Не выходя из этой до-

лины, они умудрились убить Стеверса, они убили ее отца, — при этом Орлицкий глазами указал на Риту.

Рита, уронив голову на стол, рыдала. Нежно глядя ее по волосам, Орлицкий продолжал:

— Их предшественники, — рукою Орлицкий показал на силуэт храма, видневшийся в люк, — умели овладевать своей плотью. Научились этому и они. Зная тайну волевого импульса, они свое знание употребили для убийств. Случайно, чисто случайно, мои друзья, я попал на след этой адской лаборатории. На нас лежит не столько ее уничтожить, сколько обезвредить навсегда и для всех.

Орлицкий кончил. Присутствующие, подавленные его словами, молчали. Ламаиты, казавшиеся дикарями, приобрели вдруг жуткое значение. Плечи Риты вздрагивали все реже. Подняв заплаканное лицо, она спросила Орлицкого:

— Что это был за взрыв?

— Мы взорвали их оружейный склад и станцию, с помощью которой они поддерживали связь с Джильотти.

— В безопасности ли мы здесь от этих волевых импульсов? — спросил сверстник Риты.

— О, да! — улыбнулся Орлицкий, — мы достигли большего. Помните, друзья, опыт в лаборатории перед отъездом?

— Вы нашли вовремя противоядие! — прозвучал из глубины бодрый, самоуверенный голос. — Он исходил от белокурого молодого человека, пытавшегося утешить Риту.

V

С готовым планом действий Арнольд остановился у дома, в котором жила Бэби. Произнеся: «Сейчас или никогда», он, нервно поправив галстук, вошел в подъезд. Когда, подойдя к лифту, Арнольд распахнул дверцы, он ощутил на своем плече чью-то руку. Раздосадованный неожиданным препятствием, Арнольд круто повернулся. Перед ним

стоял, протягивая ему письмо, пожилой, невзрачного вида человек.

— В чем дело? — грубо спросил Арнольд,

— В письме сказано; прочтете, увидите.

Тон человека покорибил Арнольда. — Как будто бы сыщик, — мелькнуло у него в голове. Как бы угадывая мысли Арнольда, человек отвернул борт пиджака. На нем блестел значок тайной полиции. Перестав обращать внимание на сыщика, Арнольд углубился в письмо. Сыщик же, увидя, что на него перестали обращать внимание, встал перед лифтом. После этого на лице сыщика появилось выражение нагловатой самоуверенности. Арнольд, пробежав письмо, попросил сыщика передать, что он сейчас не может прийти, а придет позже. Сыщик отрицательно покачал головой. Арнольд попытался упрашивать, но уговоры не помогли.

— Мое дело маленькое, господин Арнольд, — приказали мне привезти вас, я и должен привезти.

— Как? — рассердился Арнольд.

— Очень просто, — невозможно, чуть улыбаясь кончиками губ, возразил сыщик. — Сказано мне: передай письмо, а не захочет прийти, приведи. Так что, если не намерены сами идти, — уже грубо сказал сыщик, — придется мне поступить по инструкциям.

— Каковы же эти инструкции? — теряя терпение, заносчиво спросил Арнольд.

— Инструкции несложные, — уже явно издеваясь над ним, произнес сыщик.

На лице у Арнольда выступили красные пятна. Закусив губу, он шагнул вперед. Отступив в лифт, сыщик выхватил кошачьим движением из заднего кармана блестящий продолговатый предмет. Направив его на Арнольда, он спросил его:

— А теперь каково ваше решение?

Не отвечая, Арнольд повернулся и медленно направился к выходу. Самодовольно улыбаясь, сыщик последовал за ним.

В комнате, обставленной в стиле модернизированного Востока, на оттомане полулежал Джильотти. Его взгляд внимательно следил за ритмичными движениями тела женщины, танцевавшей перед ним на ковре. В стороне на кресле небрежно лежали манти и шляпа танцовщицы.

Одеждой служили волосы зеленоватого оттенка и широкий платиновый пояс, охватывавший талию. Темп танца все ускорялся. Движения танцовщицы становились все резче, все порывистее. Музыка оборвалась. Пришедшая в экстаз женщина опустилась на ковер. Раскинув в изнеможении руки, она замерла без движения.

Джильотти забеспокоился. Спустив свое грузное тело с оттомана, он нерешительно подошел к танцовщице. Не зная, что делать он, нагнулся к ней. Подумав, Джильотти опустился перед ней на колени и приподнял ее голову. Сквозь полузакрытые ресницы танцовщица следила за каждым движением Джильотти. Она лежала, не подавая признаков жизни. Джильотти растерялся. Приложился ухом к сердцу. Сердце билось. Танцовщица, глубоко вздохнув, сделала вид, что пришла в себя.

— Давит пояс, душно, — бросила она шепотом, делая вид, что снова теряет сознание.

Джильотти засуетился. Неумело, стараясь не прикасаться к разгоряченному телу, он стал расстегивать пояс. Как только он прикоснулся к телу, оно затрепетало от нахлынувшей страсти. Неожиданно для самого себя Джильотти прильнул к ее телу. Его охватило неодолимое желание. В страстном порыве его руки впились в тело, лаская и мня. Чуть улыбнувшись ресницами, танцовщица томно прошептала:

— Не надо.

Джильотти, забыв про все окружающее, осыпал тело, грудь и волосы танцовщицы градом поцелуев. Когда их глаза встретились, он почувствовал, что тонет в зеленом бездонном море.

Придя в себя, Джильотти ясно понял, что эта похожая на змею женщина прочно вошла в его жизнь. Все, что не имело отношения к ней, перестало его интересовать. Прер-

ванная мелодия возобновилась, охватила истома, не хотелось думать, не хотелось двигаться. Что это за свет? Джильотти лениво повернул голову. Над дверью горела синим светом лампочка. Джильотти тщетно начал рыться в своей памяти. Горевшая лампочка означала, что тот, кого он вызвал, пришел. Но кто? Кого он вызвал? — Наверное, что-нибудь очень важное, — мелькнуло в голове у Джильотти. Он сделал попытку встать. Танцовщица прильнула к нему, впившись змеиным движением в губы. Джильотти сладострастно вздрогнул. Лампочка, горевшая синим светом, исчезла из его поля зрения. Губы танцовщицы, прильнувшие к его губам, спутали мысли.

В вестибюле, отделанном каррарским мрамором, Арнольд ждал момента, когда Джильотти найдет возможным его принять. Из вестибюля вела вверх широкая лестница, устланная коврами. Не находя себе места, он маячил по передней. В углу вестибюля скромно сидел детектив. Его невзрачная фигура терялась среди мундиров стражи и ливрей прислуги. Стража менялась. Часы текли. Дядя же не находил нужным звать Арнольда к себе. Наступила ночь, когда секретарь, объявив остальным посетителям, что приема не будет, пригласил Арнольда последовать за ним. Молча, ничего не сказав, Арнольд поднялся по лестнице. Встреча дяди с племянником вышла сухой и почти враждебной. Не подав руки Арнольду, Джильотти жестом пригласил его сесть. Арнольд сел. Затем, делая вид, что его заинтересовал узор ковра, он уставился в пол. Джильотти начал издалека. Сначала он напомнил Арнольду, правда, очень туманно, что всем в жизни он обязан ему. Пролил несколько крокодиловых слез о судьбе своей сестры, матери Арнольда. Видя, что Арнольд упорно молчит, Джильотти стал сердиться. Он напомнил Арнольду, что его успехи на службе не блестящи и что пора взяться за ум. При этих словах Арнольд как-то сжался, ушел еще больше в себя. Ему вспомнилась мать, умершая в нищете. Вспомнил, что отдали его в приют случайные люди. Впервые он увиделся с Джильотти лишь тогда, когда о его успехах в технической школе заговорили профессора.

— О твоей распутной жизни, Арнольд, говорят в городе. Ты невнимателен при выборе знакомств. О твоей связи с легкомысленной особой, вращающейся в подозрительных кругах, меня уведомила полиция.

Арнольд упорно продолжал молчать, ожидая, что будет дальше. Приняв молчание Арнольда за одобрение, Джильотти переменял тон. Он продолжал говорить мягко, доброжелательно.

— Тебе место, Арнольд, в том обществе, где бываю я. Ты же его почему то дичишься. Мне нужен ты, Арнольд, своя ведь все-таки кровь. Мне нужен человек, на кого я мог бы положиться всецело в это неустойчивое время.

Арнольд вздрогнул. Ему вспомнился сон. Вспомнилась угроза Вальдена.

— Как он мог знать? — подумал Арнольд.

— Кстати, Арнольд, чтоб не забыть, я решил тебя женить. Нашел прекрасную партию.

Арнольд не выдержал.

— Дядя, в тот момент, когда меня позвали к вам, я шел делать предложение!

Джиллотти засмеялся.

— Благодарить будешь, что твой дядя вовремя вспомнил про тебя и не дал тебе сделать глупость. Выкинь ее из головы, — зло произнес Джиллотти, — не пара она для моего племянника. Через неделю бал. Вот билет. — Говоря это, он протянул его Арнольду.

Арнольд машинально взял билет в руки.

— На нем увидишь невесту и узнаешь, что я хочу от тебя. Смотри, Арнольд, не забудь! — с легкой угрозой в голосе закончил Джиллотти.

Молча поклонившись, Арнольд ушел.

VI

Длинный коридор был освещен светящимися шарами. Свет, излучаемый ими, отражаясь от сводов и стен, прида-

вал коридору парадный вид. Попав в коридор, Лили смутилась. Море света вокруг создавало впечатление, что коридор готовится принять гостей. Лили прислушалась. Кроме отдаленного, чуть слышного, гула, вероятно, исходящего из лаборатории, ничего не было слышно. Шары, отражаясь от пола, стен и сводов, лишали возможности определить, где был конец коридора. Шары, излучавшие свет, заинтриговали Лили. Они лежали на колонках, расставленных вдоль стен. Идя от одного шара к другому, Лили углубилась в коридор. Случайно взглянув на часы, она ахнула. На руке не было браслета с часами. Забыв про шары, она пошла назад. Пройдя десятка два шагов, она вернулась. Недоумевая, она прошла несколько раз взад и вперед по коридору. На стенах не было нигде даже намек на дверь. Влево и вправо, кроме бесчисленных колонок с шарами, ничего не было видно. Всюду те же ровные стекловидные стены. Лили начала приходить в отчаяние. На глазах выступили слезы. Вальден мог появиться каждую минуту. Что он скажет, увидя ее здесь? Он спросит, где ее честное слово, которым она обязалась не входить сама в коридор. Немного успокоившись, Лили стала руками исследовать стены в надежде нащупать какую-нибудь пружину. В своих поисках она случайно задела колонку. К ужасу Лили, лежавший на колонке светящийся шар заколебался. Некоторое время он как бы раздумывал. падать ему или нет, и наконец, решившись, полетел на пол. А если он взорвется от удара? -- подумала Лили. Спрятав лицо в руки, она замерла в ожидании катастрофы. С молниеносной быстротой перед ней начали проноситься яркие моменты ее жизни. Промелькнула первая встреча с Вальденом, случившаяся в ясное летнее утро. Вспомнилась свадьба. Что можно было себе представить оригинальнее и забавнее? Корчма на берегу реки, наполненная разным сбродом, встретила их появление неприветливо. Кто не жил рекой и ее отбросами, для посетителей этой корчмы был чужим. Люди реки верили в судьбу, в покрытые мозолями руки и хорошо наточенное лезвие ножа. Появление Вальдена и Лили в корчме не прошло незамеченным. Десятки глаз из-под нахму-

ренных кепок и беретов уставились на них. Каждый решал за себя, пришли ли враги или желтоклювые птенцы в погоне за острыми ощущениями. Поведение Вальдена озадачило их. Ни следа страха не было в нем. Перед ними впервые появлялся такой представитель из близкого, но чуждого им гиганта-муравейника столицы. Обманчивость вод реки, коварность ветра, то освежающего в летний зной, то режущего лицо поздней осенью до онемения, все говорило им про непостоянность, обманчивость судьбы человека. Говорили им об этом и трупы утопленников. Каждодневные тяготы и опасность делали их суеверными. В свободные минуты они пытались полной чашей проглотить все, что могли взять от жизни. Близкий гигант-город раздражал их, он был чужд им. Им, подонкам общества, умевшим смотреть в глаза смерти — неотъемлемой спутнице стихии. Когда Вальден прикрыл за ними дверь общей залы, Лили перевела дыхание.

— Спасибо, Вальден. Довольно с меня таких ощущений, я еле жива от страха.

Нежно прижав к себе Лили, Вальден, не отвечая, вел ее по полумрачному коридору. У одной из многочисленных дверей, выходящих в коридор, он постучал. Сейчас же дверь распахнулась. Контраст мило обставленной комнаты и стола, убранного цветами, с закопченной табачным дымом общей залой был разителен. Вместо пропитанных машинным маслом и рыбой заскорузлых людей их встретили два безукоризненно одетых молодых человека. Лили остановилась у порога, как зачарованная, не веря своим глазам. Втолкнув, смеясь, Лили в комнату, Вальден представил ей своих друзей.

— Ты хотела знать, кто мои друзья, — произнес он, продолжая улыбаться, — вот они. Знакомьтесь.

Друзья представились. Заметив недоверчивый взгляд Лили, которым она окинула представленных ей молодых людей, все искренне засмеялись. За столом рассеялись все опасения Лили, все было как в городе. После нескольких бокалов вина Лили вошла в роль хозяйки. Пережитое при переходе через общий зал стало казаться дурным сном, ви-

денным в далеком прошлом. Вначале не клеившийся разговор стал оживленнее. Настроение общества нарастало. Включили радифон, в виде древнего храма античных времен стоявший в углу. В театре шел балет. Разговор притих. Талант танцовщицы был сильнее настроения. На маленьком экране она казалась живой, приковывая к себе внимание своей чарующей пляской. Маленький экран передавал в совершенстве все до малейших световых эффектов. Иллюзия получалась полная. Балет кончился. Экран начал переносить музыку для танцев. Общество ожило. Лили стала имитировать танцовщицу. Бокалы непрерывно наполнялись вином. Импровизация Лили вышла очень удачной. Подогретая вином и комплиментами, она преобразилась. Исчезла обычная угловатость движений, речь стала плавной. Вальден с удовольствием следил за происшедшей в ней переменой. От Лили не ускользнул знак, который Вальден дал друзьям. Один из них, увидя его, сейчас же вышел.

Прежде чем Лили сумела сообразить, что это могло значить, комната погрузилась в темноту. Послышался легкий скрип двери. Лили перепугалась. Прижавшись к стене, она начала звать Вальдена. В ответ блеснул сноп света карманного прожектора, упав на дверь. На пороге, держа в руках поднос, стоял приятель Вальдена. На подносе, скаля зубы, лежала голова поросенка. Прежде чем Лили смогла что-либо произнести, в комнате вспыхнул свет. К Лили подошел Вальден и, став рядом, торжественным голосом произнес:

— Начинайте.

— Что? — спросила, окончательно сбитая с толку, Лили.

— Помолчи, Лили, — укоризненно сказал Вальдеи, — хоть во время нашего венчания.

— Какого венчания? — не веря собственным ушам, спросила она.

Державший в руках поднос с головою прервал ее.

— Согласен ли ты, Вальден, жениться на Лили?

— Согласен, — ответил Вальден.

— Да что же это в конце концов? — пролепетала растерявшаяся Лили.

Ей не дали опомниться:

— Согласны ли вы, Лили, выйти замуж за Вальдена?

— Согласна! — неожиданно для самой себя произнесла она.

Спохватившись, она попыталась протестовать, но было поздно. Перед ней вырос стоявший в стороне второй приятель Вальдена и надел им на руки обручальные кольца.

От поросенка отсекли уши.

— Верность на всю жизнь, — произнесли приятели, подымая бокалы.

Засунув ухо поросенка в рот, Вальден и Лили его ели, не спуская друг с друга глаз.

— Все? — спросил Вальден, проглатывая ухо.

— Все, — как эхо, повторили приятели.

Лили ничего не успела сказать, так как Вальден зажал ей рот поцелуем.

— Лили, что с тобой? — раздался над ухом голос Вальдена.

Вместо ответа Лили забилась в истерику. Шар, лежащий на полу и опрокинутая колонка — объяснили взволнованному Вальдену причину истерики. Подняв шар, он, улыбаясь, предлагал Лили взять его в руки. Продолжая всхлипывать, Лили отрицательно качала головой. Когда, наконец, она взяла шар в руки, ее настроение резко переменялось. Она быстро научилась менять цвет излучаемого шаром света. Как фея, Лили стала слать из своих рук на Вальдена то золотистый, то розовый, то лазоревый свет. Ей стало стыдно. Испугаться такой дивной игрушки! Вальден, укоризненно кивая головой, радовался вместе с ней.

VII

Окутанный клубами табачного дыма Арнольд, часами не двигаясь, смотрел перед собой. Он напряженно думал об одном и том же, тщетно пытаясь связать в одно целое: дядю, Вальдена, Никлая и мафию. Временами казалось,

что решение назревало. Временами он приходил в отчаяние. В том, что связь между ними была, он не сомневался. Все говорило за это. Но не было фактов. Никакой смерти. Дядя? Воспоминание о нем вызывало глухую ненависть. Он два раза пытался после визита к нему посетить Бэби и два раза, войдя в дом, наткнулся на детектива.

Вальден? Поговорить разве с ним? Но что он для него? Племянник пресловутого Джильотти и только. Нет. Нужно самому добиться фактов. Но как? Как найти их? В сотый раз Арнольд перечитал записку, сделанную им в блокноте. Это был перечень справок, выданных за последние годы Вальдену. Все выданные справки касались местоположения сети подземных каналов. Но что можно было почерпнуть из этого? Вальден брал справки почти о всех районах. Он интересовался даже и пригородами. Чтобы обойти или объехать все места, которыми интересовался Вальден, не хватило бы жизни десятка людей, а не то что его. Нет, нужно было искать другую исходную точку. Нужно было придумать что-то другое, но что именно?

Было далеко за полночь. Постепенно замирала уличная жизнь. Отчаявшись в своих поисках, Арнольд подошел к окну. Высоко над крышами небоскребов в ночном небе светилась реклама.

— Мы сильнее смерти! — прочел он рекламу патентованного лекарства.

Перед глазами у Арнольда встал образ Вальдена, отваливающего могильную плиту.

«Кладбище, — молнией мелькнуло у Арнольда. — Каналы в районе старого кладбища. Там разгадка. Там».

Почти крича, бросился к письменному столу. Дрожащими пальцами он перелистал блокнот и, облегченно вздохнув, лег, не раздеваясь, на кровать. Вальден ни разу не взял ни одной справки, касающейся районов, прилегающих к кладбищу.

— Он их знает, — шептал, засыпая, Арнольд, — завтра и я их буду знать.

Держа в руках ручной прожектор, Арнольд сошел с последней ступеньки. Он очутился на набережной. Так, сар-

кастически улыбнувшись, назвал он выложенные базальтовыми плитами дорожки вдоль канала. У его ног струились отбросы города. От них исходил одуряющий запах. Почувствовав, что ему станет дурно, Арнольд надел маску и осторожно пошел вдоль канала. Шел он медленно, осматривая кругом стены и сводчатый потолок. На спине был одет мешок с инструментами, в руках он нес портфель, набитый планами каналов и картой местности. Через час ходьбы канал расширился. То и дело, вспугнутые лучами прожектора, из корыта канала выскальзывали тени. Это были крысы. Чем дальше Арнольд продвигался вперед, тем их становилось больше. Дорожка, по которой он шел теперь была вымощена старинными каменными плитами. Зазоры между ними были заделаны кирпичом, истлевшим во многих местах. Арнольду стало ясно, что когда-то этот ход служил совсем для другой цели. Слева и справа в корыто канала выходили трубы. Корыто стало наполняться мутной грязной водой. Стало легче дышать. Снаружи шел дождь. Арнольд ясно понимал, что сейчас нужно с напряженным вниманием все осмотреть. Но одновременно с этим он чувствовал, что устал. Начало давить одиночество Крысы, нагло шнырявшие вокруг, начинали беспокоить. Выхода не было. Он зашел чересчур далеко. Нужно было идти вперед во что бы то ни стало. Кое где встречались вентиляционные окна. По ним до поверхности земли по корявым стенам, пользуясь их выступами, пожалуй, без труда могли доползти крысы, но человек не мог бы это сделать. Звать на помощь, кричать было совсем безнадежно. Нагрузив мешок на спину, Арнольд пошел вперед. Канал, по которому он шел сейчас, носил на себе кой-какие знаки ухода. Кто-то, правда, редко, может быть, раз в несколько лет, но все же заглядывал сюда. С напряженным вниманием, исследуя стены пядь за пядью, Арнольд медленно продвигался вперед.

Неожиданно канал, резко завернув влево, пошел на восток. Он уже прошел кладбище, теперь он шел пустырем.

Под ногами что-то звякнуло. Арнольд, с трудом сохранив равновесие, направил луч света на предмет, на кото-

рый наступил. Под ногами у него лежал блестящий тоненький собачий ошейник. Арнольд протянул к нему руку, но тотчас же брезгливо ее отдернул. Ошейник был вымазан весь в крови. Преодолев неприятное чувство, охватившее его, он поднял ошейник. На пластинке, вделанной в него, стояло «Неро».

— Неро, — с досадой произнес Арнольд, — тысячи таких Неро шатаются по городу, но как он сюда попал?

Прожектором он стал осматривать канал. Кроме грязи и листьев, несомых быстрой струей, в нем ничего не было видно. Вода в канале выросла настолько, что покрыла собой отверстия вливающихся в нее труб. Впереди себя, шагах в пятидесяти, он прожектором осветил большое черное пятно. Подойдя ближе, Арнольд вздрогнул, мороз пробежал у него по коже. Пятно, занимавшее всю ширину тротуара, копошилось, жило. Это были крысы. Арнольд пересилив страх, подошел еще ближе. Ни Арнольд, ни свет прожектора не испугали крыс. Взвизгивая от ярости, кусая друг друга, крысы поедали собаку. Арнольд вернулся к месту, где нашел ошейник. Внимательно осмотрев плиты, Арнольд увидел пятна свежей крови. Пятна обрывались у борта канала.

Перед ним встала новая загадка. Собака пришла из канала. Откуда?

Внимательно осмотрев все кругом, он ничего не заметил. Что-то толкнуло его еще раз осмотреть ошейник. На внутренней стороне, у самой застежки, на металле чуть заметными буквами стояла надпись:

«Украдено! Вернуть собственнику Лили В.».

У Арнольда потемнело в глазах, чтобы не потерять сознания, он наслонился на стену. Слабость быстро прошла. На душе стало радостно. Он недаром мучился. Еще немного терпения и клубок начнет распутываться. Став на колени, Арнольд начал шарить руками по стенкам канала. Опустив руки в поток по локоть он ощупывал борта, ища выход водосточной трубы. Он его нашел без труда. Весь грязный, забыв про усталость, он начал выстукивать стену. Уловив по звуку пустоту, Арнольд быстро распаковал мешок с

инструментами. Через час напряженной работы он мог влезть в образовавшееся отверстие.

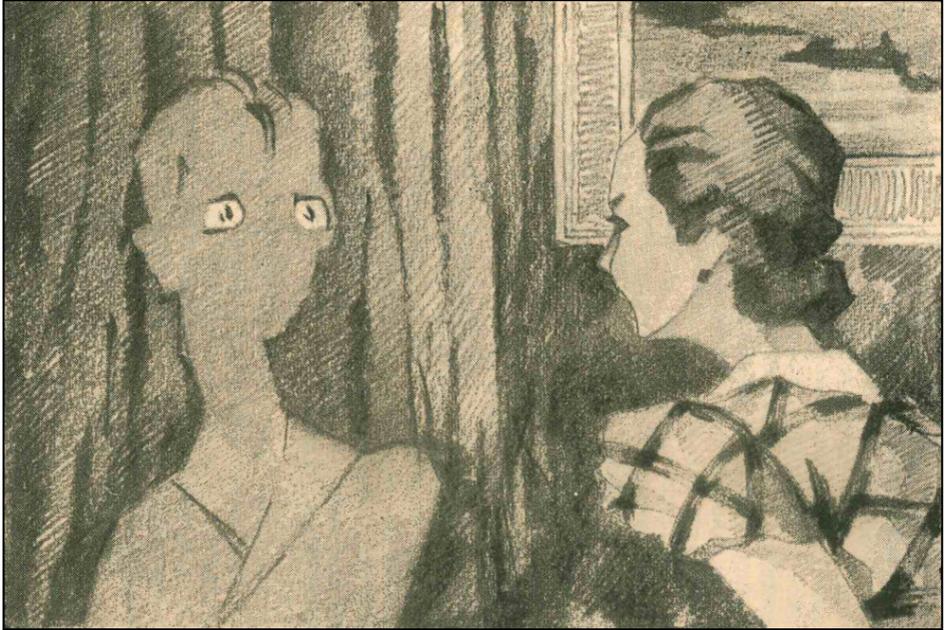
Он очутился в подземном ходе средневековой кладки. В десятке шагов от стены валялись обглоданные трупы крыс. Виднелись и пятна крови. Они показывали, откуда пришел Неро. Арнольд взглянул на принесенную им с собою карту. На ней не было ни намека на ход, который он нашел. — Клубок начинает разматываться, — весело подумал он, нанося на карту вход открытого им подземного хода. Сводчатый каменный ход полого, но неуклонно шел вниз. Пройдя по нем минут десять, Арнольд начал определять свое местоположение. К своему удивлению, он увидел, что он прошел реку. Ход уже шел вверх. Дышать в нем было легко и свободно. Этот ход представлял резкий контраст с каналом. Крыс в нем почти не было. Было видно, что кто-то заботливо за ним следил, не допуская его разрушения. Арнольд остановился. Ноги стали свинцовыми. Идти становилось все труднее. Арнольд взглянул на часы.

VIII

Нелли нервничала. За дверьми, в кабинете происходил консилиум. Волнуясь, не находя себе места, Нелли ходила по салону. За другими дверьми находился больной. Близился кризис. Недуг, который вдруг свалил цветущего О'Генри в кровать, был неизвестен науке. Весь ужас был в том, что его симптомы были те же, что и у неизвестной болезни, унесшей Стеверса и Билля. Время тянулось мучительно долго. Из-за дверей кабинета доносились голоса. Представители науки спорили между собой. Нели насторожилась. Ей почудилось присутствие постороннего лица. Она оглянулась — никого. Заглянула под диван, раздвинула гардины — никого. Подошла к дверям спальни, прислушалась. До слуха Нелли донеслось ровное дыхание спящего О'Генри. Нели растеряно улыбнулась: — Что со мной? — Ощущение появившейся опасности заставило ее вздрогнуть.

Кто-то, кого не было видно, но присутствие кого она ясно ощутила всем телом, двигался по комнате. Нелли хотела позвать на помощь, но не смогла. Голос перестал ей повиноваться. Дрожая всем телом, она почувствовала, как нечто, пройдя через весь салон, подошло к дверям, за которыми заседал консилиум. Как в трансе, она начала различать это нечто. Вот он прижался к дверям. Туманно появился контур жалкой исхудалой фигуры. Затем Нелли перестала видеть фигуру. Ее не стало. Она как бы растворилась в дверях кабинета. Нелли начала приходить в себя. Сердце безумно билось, как бы стремясь вырваться на свободу. Бросив взгляд на трюмо, она ахнула. Ее волосы стали седыми. Ей захотелось расхохотаться, заголосить. Вдруг она ощутила толчок, похожий на удар электрического тока. Не рассуждая, повинувшись инстинкту, она, сломя голову, бросилась к двери спальни и обернулась. В десятке шагов от нее стояла фигура. На этом полускелете, полупризраке выделялись два глаза. В наступающих сумерках они светились жутким зеленым светом. Смотря сквозь нее отсутствующим взглядом, фигура двигалась к спальне. Подойдя вплотную к Нелли, у призрака глаза сделались осмысленнее. Ощетинившись на призрак подобно самке, у которой хотаять отнять детеныша, Нелли ждала. Ждала холодно, расчетливо. С любопытством она увидела перемену, происшедшую с призраком. Теперь глаза его стали до странности знакомыми. — Где я видела этот отсутствующий взгляд? Где?... — У Осаки, — шепнул ей внутренний голос. Этим взглядом он смотрел на нее, прощаясь с нею. — Осаки? Зачем он здесь? Что он хочет здесь? — Мести, — прошептал внутренний голос. — Осаки! — крикнула Нелли. Это был вопль, от которого заледенела кровь в жилах профессоров, сидевших в кабинете. Пока призрак остановился, сверля своим взглядом Нелли. Мысль Нелли лихорадочно работала. К ней вернулась самоуверенность, она знала, кто ее враг. Вспомнились слова Осаки, сказанные ей когда то очень давно.

— Если когда либо, Нелли, вы станете перед лицом чего-либо неуловимого, внушающего вам смертельный ужас, не

теряйтесь. Сосредоточьте всю себя в одной мысли, в одном желании. Помните! — заклинал ее тогда Осаки, — сосредоточьте себя без оговорок, без задних мыслей, иначе вы погибли.

Все существо Нелли наполнилось одним чувством, чувством ненависти к Осаки, жаждой его смерти. Постояв несколько мгновений перед Нелли, фигура сделала попытку пройти через нее и не смогла. У нее искривилось лицо, она напонила человека, неожиданно споткнувшегося на ровном месте. На губах появились клочья пены. Свет, излучаемый глазами, стал тускнеть. Фигура попятилась от Нелли, тая в вечернем сумраке. Со всех сторон на помощь Нелли бежали перепуганные люди. Раньше, чем кто-либо сумел ее подхватить, Нелли упала на пол. Она пришла в себя в своей постели.

— Что с О'Генри? — был ее первый вопрос.

— Выздоровливает, кризис прошел.

Нелли повернулась к стене и в то же мгновение заснула. Это был первый нормальный сон за долгий ряд дней, проведенных ею у постели мужа.

IX

Вверх по широким ступенькам крыльца струился человеческий поток. Праздничная одежда, надетая на людях, торжественность, написанная на их лицах, затушевывали характерное в каждом и делали их похожими друг на друга. В этом потоке между фигурами, подавленными сознанием собственного достоинства, изредка встречались и обычные смертные. Попадая на верх лестницы, смертные протягивали облеченным в форму фигурам свои синие билеты с золотым гербом. Беглый, но зоркий взгляд, брошенный на билет, милостивый кивок головы, и смертный выскальзывал из толпы депутатов. Облегченно вздыхая, рядом с такими же, как он, автоматами, по лестницам он попадал на галерею, окаймлявшую оранжевый зал.

Дойдя до галереи, Бэби почувствовала себя свободнее. Сверху блестящие представители народа не импонировали ей. Их аффектированные жесты, гордый натянутый вид казались смешными. Галерея быстро наполнялась. С каждым новоприбывшим она становилась независимее, оживлялась все больше. Удачные остроты насчет депутатов, собравшихся в оранжевой зале, сопровождались каждый раз взрывом громкого хохота. Чем оживленнее становилось на галерее, тем чаще депутаты бросали снизу на нее недоверчивые взгляды. Кое-кто шептал соседу недовольным тоном, что какой отбор не делай, улица всегда останется улицей, легкомысленной, экспансивной, всегда готовой затоптать в грязь вчерашнего кумира. Говорили шепотом об участившихся аттентатах.

— Идет! — гулко разнеслось по оранжевой зале и, как эхо, перекинулось на галерею.

Когда Джильотти, окруженный членами правительства, появился у входа, грянул гимн. Депутаты подтягивали дребезжащим голосами. Его подхватила галерея, а вскоре через громкоговорители услышал его и толпящийся снаружи народ.

Сознавая торжественность минуты, Джильотти плавно проплыл через проход, образованный почтительно склонившимися депутатами, и вошел на трибуну. На ней он замер.

— Посмотри, — раздался сбоку от Евы свистящий шепот, — ты говоришь, протекция, а вот Джильотти-то без всякой протекции выбился.

— Нашел тоже подходящий пример, — ответил первому голосу другой.

Бэби оглянулась. Влево от нее двое молодых людей спорили, устремив свои взоры на Джильотти.

После краткой паузы они продолжили свой спор.

— Ты из упрямства это говоришь, — возразил, помолчав, первый. — Ты не можешь знать его биографию.

— Не знаю и знать не желаю, — произнес с досадой второй голос.

— Твое упрямство ни к чему. С пяти с половиной лет Джильотти уже работал. Сидя за кассой ростовщика, он принимал деньги.

— Ты преувеличиваешь?

— Нисколько. Давая ему деньги на сладости и игрушки только за написанный вексель, ростовщик научил его им. В пять с половиной лет Джильотти уже знал все одиннадцать способов заполнять вексель.

— Подумаешь?

— Конечно, нужно подумать над этим, — спокойно продолжал первый молодой человек. — Ты, например, в пять лет играл в детском саду, — бросил он насмешливо своему соседу.

— Не помню, — буркнул тот в ответ.

— А что ты делал в десять? — не унимался первый.

Шум, наставший в оранжевой зале по окончании гимна, лишил возможности Бэби слышать конец разговора.

Джильотти, скромно наклонив голову, спокойно ждал, когда овации улягутся. Ждал этого и Орлицкий на другом конце земного шара. Любовно проведя рукой по лежащим на кафедре листкам бумаги, Джильотти начал свою речь.

— Мы, — начал вкрадчивым голосом Джильотти, — камень по камень построили наш дом. Строили мы его сами для себя. От нас же откуда-то издалека какие то фанатики требуют, чтобы мы наш дом разрушили. Они утверждают, что смогут построить лучший. Нам не нужен их хороший новый дом. Нас, каменщиков, удовлетворяет то, что мы сами для себя построили.

Бэби с затаенным дыханием слушала Джильотти. Так же напряженно, как и она, слушала его вся галерея. Изредка взор Джильотти отрывался от конспекта речи и, скользнув по головам депутатов, уходил вверх на галерею. Бэби заметила, что в эти моменты в голос Джильотти вкрадывались новые ноты. Проследив его взгляд, Бэби улыбнулась. В широком поясе из платины, вся в черном, с отливающими зеленым волосами, холодная и бесстрастная сидела звезда балета.

— Если мы не согласимся, — продолжал Джильотти, возвысив голос, — нам угрожают войной. Если мы согласимся, нам обещают мир. Кому его обещают? Нам, маленьким мирным труженикам. По какому праву?! — гремел с пафосом Джильотти. — Разве мы кого-нибудь тронули?

— Ну, что в ней особенного? — раздалось сзади. Говорили две девушки.

— Ну, как это возможно, — говорила толстушка подруге, — что он мог увлечься ею. — Посмотри только, Эсти, как идет к нему эта седая прядь волос. А глаза его, — томно вздыхая, восхищалась она, сколько ума в них.

Эсти, девушка с острым худощавым личиком, пожалала плечами.

— Самое возмутительное во всей этой истории, — произнесла она поучительным тоном, — что у этой особы нет диплома.

— Как? — ужаснулась толстушка, — она не кончила университета?

— Нет, — ответила Эсти, — не кончила. Ты видишь теперь, моя дорогая, насколько наши мужчины еще варвары.

— Наверное, она его обворожила, — попробовала толстушка вступить за Джильотти.

— Обворожила! — рассмеялась саркастически Эсти. — Нет, голубушка, мужчины звери были, есть и будут. Их насколько не интересуют ни наши дипломы, ни наши души.

У громкоговорителей на улицах и площадях толпилась публика. Они передавали хаос звуков, наставших в оранжевой зале, когда Джильотти кончил свою речь. Тут же на пространственном экране громкоговорителя виднелась фигура Джильотти. Он стоял, скромно потупив голову, выжидая, когда утихнут разбуженные им страсти. К одной из таких групп подошла скромно одетая пожилая женщина.

— Случилось ли что-нибудь? — спросила она, вmeshиваясь в толпу.

— С жиру бесятся, бабушка, вот что случилось, — зло произнес один из стоящих в задних рядах. Сказав это, он боязливо посмотрел кругом.

— Как же с жиру? — удивленно возразила женщина. — Ведь каменщики-то они, сами свой дом строили.

Человек язвительно улыбнулся.

— Это точно, бабушка, что они каменщики. Только не столько домов, сколько банков настроили.

— Ну, спасибо, — произнесла женщина, — теперь поняла. Серьезные значит, говорите люди. Пойду у них просить для сына работы, истосковался он, бедный, без нее.

Бэби стало скучно. Внизу сменялись ораторы. Они ее не интересовали. Надежда встретить Арнольда не оправдалась. С трудом дождавшись конца заседания, она выскользнула наружу одной из первых. Ей страшно хотелось на воздух. Теплилась надежда узнать что либо про Арнольда.

Х

Взошедшее солнце осветило рощу, охватывавшую с запада просторный стадион, бассейн, окаймленный бархатистым песком, и ряд нарядных многоэтажных зеленого цвета домиков. По свежей росе к стадиону потянулась гурьба веселых подростков. Другая группа, состоявшая из малышей, наполнила бассейн. Взрослые разбрелись по роще. Все эти люди появились ни из нарядных домиков, ни из стоящего поодаль длинного с прозрачными стенами здания. Они появлялись из-под поверхности земли. Земля их как бы выпихивала из себя наружу небольшими пачками. На стадионе, залитом лучами утреннего солнца, упражнялись подростки. Их мускулистые, покрытые бронзовым загаром тела дышали здоровьем. Здоровьем дышали и тела малышей, возившихся друг с другом то в бассейне, то на бархатистом песке. Подымаемые детворой в бассейне брызги, искрясь, взлетали в воздух, чтобы каскадом самоцветных камней упасть обратно в бассейн. Стрелка солнечных часов приблизилась к восьми. Когда она накрыла цифру восемь, мелодично зазвучала сирена. Не успело еще эхо замолкнуть в роще, как, вздрогнув, ушли в землю прозрач-

ные стены прямоугольного здания. Опустившись до высоты человеческого роста, стены остановились. Не переставая щебетать, малыши весело устремились к нарядным домикам. В них они первыми получили утренний завтрак. За ними из рожи и с лужаек потянулись к домику взрослые. Окунув свои разгоряченные тела в прохладной воде бассейна, за ними пришли подростки. Когда сирена прозвучала вторично, то прямоугольное здание было уже заполнено людьми. Начинался рабочий день. На здании красовалась небольшая надпись:

«Школа планового развития врожденных склонностей».

Бросалось в глаза, что рядом бок о бок стояли погруженные в работу люди самых разнообразных возрастов. Исключение представляли малыши. Они сидели за партами в больших комнатах, помещавшихся в конце здания. Вместо тетрадок перед каждым из них стояла миниатюрная пишущая машинка. Перебирая быстро пальчиками по их клавишам, они писали диктант. В помещении, полном света и солнца, работа им казалась легкой и занятной. В другом конце здания находился класс для изучения человека. Окончивший его должен был уметь в совершенстве подчинять своему духовному «я» свое «я» физическое. Библиотека помещалась под зданием. Находящиеся у станков мастерских или у приборов лабораторий получали в ней нужные им справки, не сходя с места.

В двенадцать с половиной часов сирена прерывала занятия. Не успевали ее звуки замолкнуть, как, весело журча, людской поток, вытекая из здания, рассеивался по окрестностям. До обеда оставалось двадцать минут. У опушки, в тени деревьев, расположилась группа молодежи.

— Нехорошо завидовать, — произнесла миловидная блондинка, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Продолжая задумчиво смотреть вдаль, она, вздохнув, добавила:

— А я вот завидую.

— Кому же, Эла? — слышалось со всех сторон.

— Рите, — лаконически ответила она.

— Ты всегда, Эла, с таинственным видом скажешь что-нибудь необычайное, — с досадой произнесла ее соседка.

— Рите мы все завидуем. Завидую ей и я.

— И я, и я, — слышалось со всех сторон.

— Да как же не завидовать сотрудникам Орлицкого? — изобразив на лице удивление, обращаясь к Эле, закончила девушка.

Эла, углубившись в свои мысли, не отвечала. Сзади раздался иронический смех. Смеялся молодой человек, стоявший, опершись на стол. Заметив, что на него обратили внимание, он засмеялся громче. Смех был натянутым. Эла очнулась. Повернув голову в сторону смеявшегося, она спросила:

— Разве я, Валентин, сказала что-либо смешное?

— Конечно, Эла, — возразил он, не переставая смеяться.

— Что же именно? — внешне спокойно спросила его Эла.

— Несколько недель тому назад на этом самом месте, сидя рядом с Ритой, вы утверждали, что вам чужда зависть. Разве это не смешно? — ядовито закончил Валентин.

— Утверждала, — ледяным голосом возразила Эла, — но я еще не вижу причину, заставившую вас надрывать от хохота.

Замечание Элы задело Валентина. С его лица исчезла улыбка. У рта появилась складка.

— Не видите? — зло произнес он. — Не вы ли утверждали, Эла, что зависть инстинкт?

Не дожидаясь ответа, он продолжал, чуть повышая голос: — Вы утверждали тогда, что зависть возможна только у людей некультурных, намекая на живущих в моем отечестве. А теперь! — патетически воскликнул Валентин, — вы сами завидуете. Разве это не смешно? — обращаясь ко всем, закончил Валентин.

— Нисколько, — возразила Эла. — Это только доказывает, что вы страшно злопамятны, Валентин.

— Я злопамятен, когда вам говорю в лицо неприятную правду, Эла? — с горечью в голосе ответил Валентин. — Раз-

ве вы не говорили, Эла, что у вас, сверхлюдей, все предвиденных планом, невозможна зависть?

— Говорила.

— Но вы завидуете, Эла?

— Да, Валентин, но зависть ваша и зависть моя ничего общего не имеют между собой.

— Ну, конечно, — вспыхнул Валентин, — вы сверхлюди, я же обычный смертный. Вероятно, вы и животных у вас научили жить по плану, — добавил саркастически Валентин.

Все начали громко выражать свое неудовольствие. Желчность и злоба, проявленные Валентином, покорибли без исключения всех. Настала пауза, которую прервала Эла:

— С вами, Валентин, последнее время происходит что-то странное, — произнесла она. — Скажите нам, в чем дело? Вы увидите, вам сразу станет легче.

Съежившись, весь уйдя в себя, Валентин мрачно молчал.

— Вас беспокоит возможность войны? — не унималась Эла. — Там, у Джильотти, у вас остались близкие?

Сирена, звавшая на обед, дала возможность Валентину избежать ответа. Не дожидаясь остальных, он поспешил к площадке, на которую устремились все обитатели, разбредшиеся по роще и лужайкам. Сцена эта повторялась ежедневно. Несмотря на это, Валентин всегда с замиранием сердца наблюдал, как исчезала под землей площадка и через мгновение появлялась без них. Самый наблюдательный глаз даже вблизи не догадался бы, что именно она есть вход в подземное здание. Сойдя с площадки, Валентин очутился в просторном круглом холле, откуда секторами шли многочисленные залы. В них жила колония. Свет, ничем не отличавшийся от дневного, равномерно все освещал. Валентин вошел в столовую. В ней вдоль длинной стекловидной коробки стоял ряд эластичных стульев. Коробка заменяла стол. В прозрачной ее части, прилегавшей к краю, скользили вереницей блюда перед глазами пришедшего обедать. Нажим кнопки и облюбованное блюдо, вместе с прибором для еды, попадало на стол. Нажи-

мом другой кнопки грязная посуда отодвигалась к непрозрачной части стола. В ней невидимая бесконечная лента уносила посуду в дезинфекционную камеру. Оттуда она шла в кухню, где снова наполнялась едой. Так, совершая свой бег, она успевала вовремя обслужить слушателей школы.

Валентину не хотелось есть. Он посидел несколько минут, наблюдая безразличным взглядом бег блюд, и встал. Постояв несколько мгновений в нерешительности, он направился в читальню. Живописно расставленная мебель располагала каждого, входящего в нее. Войдя, Валентин почувствовал, как исчезает неприятный осадок, оставшийся у него от разговоров на опушке. Он был сам. Остальные еще не успели кончить обед. В углу стоял аппарат. Подойдя к нему, Валентин повернул выключатель. Сейчас же из него послышался голос спикера. Передавался конец бюллетеня.

— С каждым днем здоровье О'Тенри улучшается, — сообщил спикер.

— Как хорошо! — воскликнул Валентин и повернул маленький рычажок, бывший на аппарате. Этим движением он превратил звуки голоса спикера в слова, зелеными буквами начавшие выписываться на одной из стен последние новости.

— Bravo, Валентин! — послышалось вдруг около него.

Валентин обернулся.

Рядом с ним стояла Эла.

— Валентин, Вы искренни только с самим собой?

Покраснев, Валентин молчал.

— Сядемте, — приветливо сказала девушка и, взяв его за руку, усадила рядом с собой. — Вы согласны совместно посмотреть звуковую газету?

— Согласен, — не смотря на Элу, буркнул Валентин.

Настала пауза. Оба делали вид, что с интересом следят за зелеными буквами, мелькавшими на стене. Украдкой взглянув на сконфуженное лицо Валентина, девушка улыбнулась.

— Валентин, вам хорошо у нас? — вдруг неожиданно обратилась она к нему.

Выдержав взгляд девушки, Валентин, не раздумывая, сказал:

— Мне очень хорошо у вас.

XI

«Церон» спал. Изредка тишина нарушалась звуком шагов часового, маячившего на площадке, опоясывавшей «Церон». Рита, пройдя коридор, остановилась в раздумье перед дверьми, ведущими в машинное отделение, служившее одновременно для Орлицкого и комнатой для приема гостей и лабораторией. Она была в нерешительности, постучать ли в дверь или войти не стуча. Если позвать, а вдруг он ответит своим холодным бесстрастным голосом, что занят. Войти без спроса? А если он вспылит и выгонит ее, не выслушав?

Время шло, Рита, не зная, что делать, по-прежнему беспомощно стояла у дверей.

Вдруг ей почудился из-за дверей приглушенный звук голосов. Она прильнула к ним. Не было сомнений, говорил с кем то Орлицкий.

«С кем? — пронизало раскаленной иглой мозга. — С кем, когда все спят, кроме нее? А если с женщиной?» — против ее воли мелькнула мысль.

Мысль завладела Ритой. На сердце навалилась тупая безысходная боль. Чтобы не вскрикнуть, Рита до крови закусила губу. Всем существом захотелось во что бы то ни стало увидеть Орлицкого. Хоть на одно мгновение.

Хлопнули двери, вдали послышались шаги. Шли сменять часового.

Рита опомнилась. Смена должна была пройти мимо. Ее увидят. Не отдавая себе отчета в том, что делает, она попыталась открыть дверь. Дверь поддалась. Приоткрыв ее, она на цыпочках проскользнула внутрь. Появления Риты никто

не заметил. Неслышно, как тень, она забилась в угол и начала осматриваться. Просторный холл, вопреки обыкновению, был уставлен мебелью, перенесенной из салона. За большим круглым столом сидели странные незнакомые лица. Орлицкий, повернутый спиной к ней, возился у аппаратов. Рита стала всматриваться в сидящих за столом. Чем больше она всматривалась, тем больше поражала ее окаменелость людей, чинно сидящих за столом. Кто этот старик с благообразным лицом, повернутым к ней? Рите стало жутко. Старик до нелепости напоминал Стивенса. А этот затылок почему так знаком? Ведь такой же затылок был у отца.

— Какой ужас! — прижавшись к стенке, чтобы не упасть, беззвучно прошептала Рита. — Что это? Галерея мертвых, паноптикум, опыт?

Оттуда, где стоял Орлицкий, послышался столь знакомый Рите характерный сухой треск. Звук подбодрил Риту.

«Метафизический выявитель», — подумала она и стала внимательно следить за каждым движением Орлицкого.

Орлицкий обернулся лицом к столу. Почтительно поклонившись, он произнес:

— Одну минуту, господа, потерпите только одну минуту — не больше.

Сказав это, он снова наклонился к прибору. Люди за столом не шелохнулись. Молчала и Рита в своем углу. Над столом появились клочки прозрачного белесоватого тумана. Медленно они начали соединяться в одно целое, оформливая контур человека. С небольшим аппаратом в руках, подойдя вплотную к столу, Орлицкий следил за происходящим. Так продолжалось несколько минут, показавшихся Рите вечностью. Наконец фигура оформилась.

«Трансформация кончилась», — подумала Рита, когда Орлицкий, вытерев выступивший на лбу пот, поставил аппарат на стол. Фигура, представляющая из себя изможденного аскета, одетого в рубище, была вначале так же безжизненна, как и сидевшие за столом. Орлицкий, взяв в руки аппарат, неумоимо с ним работал. Фигура начала медленно оживать. Ожили глаза, начало двигаться тело. Сначала

ей его движения напоминали движения человека, очнувшегося впервые после тяжелой болезни. Вскоре они сделались резкими, самоуверенными. Фигура начала озираться вокруг. На лице ее отразилось удивление.

— Осаки! — произнес Орлицкий. — Вы на «Цероне» среди друзей.

Осаки перевел свой удивленный взгляд на Орлицкого.

— На «Цероне»? — прошептал Осаки.

— Ну да, Осаки. Вот Стеверс, — показал Орлицкий на старика, — вот Билль. Я сейчас вам все объясню, милый Осаки, — закончил Орлицкий, бережно снимая его со стола. При этом Орлицкий обернулся и заметил притаившуюся Риту.

— Зачем вы здесь, Рита? — произнес он с ласковым укором. Рита, вместо ответа, умоляюще взглянула на него. Орлицкий заметил, что Осаки перевел свой взгляд на Риту.

— Как она похожа на мать, Осаки. Вы ее узнали? — спросил он аскета,

Осаки отрицательно покачал головой.

— Неужели вы не узнали Риту? — с укором в голосе проговорил Орлицкий.

На лице Осаки появилось подобие улыбки. Он радостно закивал головой. Рита с любопытством, чуть покраснев, следила за разговором Орлицкого и Осаки.

Осаки оживился. Пристав со стула, старческим хриплым голосом он запел:

«С рожицей черной,
Чернее чернил,
Лазил по пальмам,
Дразнил крокодил...»

Оборвав на полуслове песню, он пошел навстречу девушке со словами:

— Неужели маленькая капризная Рита забыла терпеливого и послушного Осаки?

Слова песни преобразили Риту. Она перенеслась в прошлое на берег лазурного моря. Нежно взяв Риту за руку, Ор-

лицкий усадил ее рядом с Осаки, ставшим сразу общительным и любезным. Дав им поговорить несколько минут, Орлицкий их мягко прервал.

— Выслушайте меня и помогите мне, — сказал он, сядя рядом с ними.

Осаки, сделавшись серьезным, приготовился слушать. Насторожилась и Рита.

— Когда вы в последний раз видели Нелли?

Осаки задумался.

— Я ее видел недавно во сне, — произнес он неуверенным голосом — Это был тяжелый странный сон, — добавил он после короткого раздумья.

— А когда вы видели в последний раз ламаитов?

— Очень давно, — ответил Осаки. — Хотя в последнее время я изредка начал ощущать присутствие людей в моей непосредственной близости. После такого ощущения я погружался в сон. Это был собственно не сон, а скорее кошмар. В нем всегда я был главным действующим лицом.

Напряжение исчерпало Осаки. Голова беспомощно упала на грудь, его руки плетью повисли вдоль тела. Рита и Орлицкий засуетились около него. Орлицкий влил в рот Осаки жидкость. Когда он ожил, Орлицкий, взяв его ласково за руку, сказал:

— Верьте мне, Осаки, вы больше не увидите дурных снов. Дурные сны, — пояснил он, — навеяли на вас дурные люди. Я знаю, кто они.

На лбу у Осаки появились глубокие складки. Не выпущив из своей руки руку Орлицкого, он внимательно всматривался в сидящих за круглым столом. И Орлицкий, и Рита ощутили, что Осаки начал догадываться. Посмотрев на Риту глазами, полными слез, он сказал:

— Теперь я все понял. Сможете ли вы меня простить, маленькая девочка?

В ответ, заливаясь слезами, Рита обняла Осаки.

— Я все понял теперь, — медленно, с трудом выговаривая слова, повторил Осаки. — Каждый раз, когда я видел кошмар, я совершал убийство. Но кто были они? — с от-

чаянием в голосе спросил он, — кто заставлял меня это делать?

— Ламаиты, Осаки.

— Ламаиты? Да, только они знали, как можно использовать мое состояние, — сокрушенно сказал он.

— Это все в прошлом, Осаки, забудьте это.

— Забыть? — прошептал Осаки, повернув голову к Рите.

— Этого нельзя забыть, — добавил он тихо.

Рита заговорила о прошлом.

Осаки, погрузившись в воспоминания, стал разговорчив. Он начал объяснять Рите причины, побудившие его удалиться сюда. Оживленно беседуя, они забыли про действительность. Короткий сухой треск, донесшийся до них, напомнил им о ней.

Над столом выявлялась фигура старейшины монастыря. Фигура оформилась. Взор старейшины, испуганно скользнув по комнате, задержался на Орлицком.

— Ты их узнаешь? — жестом показав на трупы, сидящие за столом, задал вопрос Орлицкий,

В глазах старейшины отразился испуг. На лице появилась растерянная улыбка. Молча, он отрицательно покачал головой. Орлицкий улыбнулся.

— Как же мог ты убить их, не зная даже, кого ты убиваешь?

— Это не я их убил, — произнес старейшина, пристально взглянув на Осаки. — Брат Осаки может подтвердить вам, что нашим уставом запрещено кого бы то ни было лишать жизни!

— Осаки, не волнуйтесь! Успокойте его, Рита, — приказал властным голосом Орлицкий.

Рита нежно усадила Осаки обратно в кресло. Осаки, покорясь ей, больше не порывался встать.

— Переведите ему, Рита, — фиксируя взглядом старейшину, — произнес Орлицкий, — как же он мог приказывать Осаки убивать, если его устав это ему запрещает?

Старейшина, не дослушав Риту, энергично запротестовал.

— Меня оклеветали перед моим братом, — проговорил он заискивающе. — Мы ушли от людей в поисках личного совершенства. Традиции секты заложены много тысячелетий тому назад. У нас нет связи с внешним миром и никогда ее не было.

— А взрыв помнишь? — перебил его Орлицкий.

Старейшина побледнел.

— А сколько ты должен был получить за нашу смерть? — не унимался Орлицкий.

Старик сокрушенно молчал.

— Говори! — крикнул Орлицкий, топнув ногой. — Говори, кто тебя превратил в палача?

— Джиллотти, — чуть слышно прошептал старик. — Он лично прилетал сюда и провел здесь неделю, — подтвердил старейшина.

— Вам теперь ясно? — обратился Орлицкий к Рите и Осаки, следившим с напряженным вниманием за происходящим. — А теперь, — обратился он снова к старейшине, — давай говорить серьезно. Ты отнял от них жизнь, верни ее им старик.

Старейшина молчал, избегая взгляда Орлицкого.

— Я, — продолжал Орлицкий, — моими аппаратами не могу вернуть им жизнь. Посадить тебя в каменный мешок со всеми твоими ламаитами, перебросить вас за тысячи километров отсюда я могу, но вернуть им моими аппаратами жизнь я не в состоянии. Ты это понимаешь, старик! — угрожающе воскликнул Орлицкий.

В ответ старейшина беспомощно развел руками.

— Если не можешь, — саркастически улыбнулся Орлицкий, — научись. В каменных мешках ты и твоя братия будете иметь достаточно времени, чтобы постичь личное совершенство.

На лице старейшины отразился безумный страх.

— Мы не готовы к заточению в каменные мешки. Мы умрем! Нам нужно время. Дайте хоть несколько дней, чтобы подготовиться, — как в бреду, обращаясь то к Рите, то к Орлицкому, говорил старейшина.

— А им ты дал время, чтобы подготовиться к смерти? — холодно возразил Орлицкий. — Когда, старик, ты достигнешь той степени совершенства, что сможешь воскрешать и воскресишь их, ты будешь свободен. Если не сможешь достигнуть — вини себя.

Старейшина бросился, рыдая к ногам Риты.

— Встань! — решительным голосом сказал Осаки. — Я буду следить за тем, чтобы вы не умерли.

Луч надежды блеснул в глазах старика.

— Брат мой, любимый брат, — подползая к нему, забормотал старик.

— Молчи! — перебил его Осаки, брезгливо отстраняясь.

— Я обеспечу вашу жизнь в мешках по вашему уставу.

— Осаки! — удивленно воскликнул Орлицкий, — к чему вам оставаться с ними?

— Так нужно!

Звонок, раздавшийся в углу, прервал Осаки.

Орлицкий взглянул на часы.

— Через 3-4 часа, — произнес он, — армада Джильотти долетит до нас. Кто-то. — подозрительно взглянув на старейшину, закончил Орлицкий, — умудрился его известить о том, что мы здесь.

ХII

— Вальден, верни мне Неро! Вальден!

В широкой сводчатой зале, уставленной машинами, Вальден беспомощно стоял около рыдающей Лили. Все были поставлены на ноги, чтобы найти Неро. Обысканы были все закоулки. Вислоухий Неро, сделавшийся вдруг героем дня, исчез бесследно. Собравшиеся в зале сотрудники Вальдена беспомощно разводили руками. Их начал мучить вопрос о неожиданной опасности, которая могла настать оттуда, куда исчез Неро. Этот урод за день своего пребывания в их подземном царстве нашел возможность ускользнуть незамеченно не только для них, но и для всех

их хитроумных приборов. Этот толстый избалованный пес доказал, что есть какие-то неизвестные им ходы, связывающие их помещение с внешним миром. Пошептавшись между собой, один из них подошел к Вальдену. Выслушав, Вальден кивнул головой. Прозвучал ряд команд, коротких и отчетливых. Заинтригованная ими Лили перестала плакать.

— Готово, — раздалось из угла.

Вальден приказал потушить свет.

На экране, неожиданно выросшем посередине залы, появилось большое бесформенное грязноватое пятно.

— Включите первую зону, — прозвучал голос Вальдена.

По экрану заскользили тени.

— Что это, Вальден?

Ответа не последовало.

Пятно на экране меняло форму и цвет. Иногда оно прорезывалось белыми линиями.

— Видишь, Лили, — наконец ответил Вальден. — Эти белые линии — это каналы, лежащие вблизи нас.

В белых местах замелькали красные точки.

— А эти точки, Вальден, что значат?

— Каждое живое существо, Лили, попавшее в сферу лучей, на экране показывается красной краской. Эти точки — крысы.

— Крысы? Какой ужас! Значит, мы окружены крысами?

— Это наши лучшие сторожа, Лили.

На бортах экрана заискрились фиолетовые огоньки, а пятно на нем окрасилось в бурый цвет. Это означало, что лучи встретили воду, струившуюся по каналам.

— Вторая зона! — коротко бросил Вальден.

Невидимая послушная рука сейчас же переставила рычаги и лучи направили бег, ощупывая на своем пути все, сокрытое в недрах. Местами появлялись пятна, напоминавшие окраской цвет раздавленной земляники. Эти пятна меняли форму, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Они жили. Вот, залив все белое, на экране появилась красная линия, долго тянувшаяся толстым прерывчатым жгутом, по-

ка не заискрились вокруг экрана огни.

— Крысы идут на водопой.

Лили, вскрикнув, прижалась к Вальдену. На экране чередовались зона за зоной. Внимание притупилось. Всюду во всех зонах та же картина: крысы, земля, камень, вода, крысы.

— Сколько их? — дрожь как в лихорадке, спрашивала Лили.

— Зона 14! — отрывисто бросил Вальден.

На экране утомленным глазам зрителей явилось большое красное пятно.

— Неро! Человек! — раздались голоса стоящих у экрана. Зажегся свет.

Без слов понимая друг друга, сотрудники засуетились около машин. Вальден подошел к письменному столу. Написав несколько фраз на пишущей машинке, он вынул из нее исписанный им стальной листок и вложил его в стоящий поблизости аппарат. Сделав это, он громко спросил:

— Готово?

— Готово, — послышалось со всех сторон.

Вальден резким движением повернул рычаг. Стрелки прибора заколебались, аппарат начал издавать шум, напоминающий полет шмеля. Как бы в ответ на вопрос перепуганной Лили, зазвенел на столе колокольчик. Потом над входом в залу одна за другой начали вспыхивать лампочки. Лучи, застигнув незнакомца, влекли его в залу. После нескольких десятков минут напряженного ожидания раскрылись двери. На пороге мастерской появился Арнольд. Грязный, пыльный, с большим дорожным мешком на спине, напоминая собой лунатика или человека, находящегося в трансе, он дошел до середины мастерской и остановился. Вальден появлением Арнольда был не меньше удивлен, чем сама Лили.

— Арнольд здесь. — прошептал задумчиво Вальден.

Сейчас же у него мелькнула беспокойная мысль:

«А если на наш след напали?»

Одновременно та же мысль явилась у многих сотрудников, стоя у машин, ожидавших, что будет дальше. Нужно

было действовать. Вальден подошел к столу и через мгновение разнесся сухой стук клавиш пишущей машинки. Похожий на папиросную бумагу листок стали, со втиснутыми в него словами Вальдена, вошел в аппарат. Машина зажужжала.

Смотря около себя растерянным блуждающим взглядом, Арнольд сбросил на землю бывший у него на спине мешок, снял с головы берет. Расстегнув бывшую на нем рабочую блузу, он растерянно оглянулся. Было видно, что ему нужно что-то сделать, но он не знает, что именно.

— Кто знает, что вы пришли сюда?

Арнольд, уставившись в землю, молчал. По складкам, собравшимся на лбу, было видно, что он обдумывает ответ. Так прошло несколько томительных минут. Наконец, Арнольд ответил:

— Никто.

От этого ответа Вальден почувствовал облегчение.

— Как вы нашли путь сюда, Арнольд? — продолжал он дальше.

— Благодаря трупам собаки, — вяло ответил, уже не медля больше, Арнольд.

— Трупы Неро? — воскликнула Лили.

— Да, — последовал короткий ответ.

— Зачем вы пошли сюда, Арнольд?

— Чтобы найти мафию.

— Мафию? — переспросил Вальден.

— Да.

— Час от часу не легче, — прошептал Вальден. — Кто вам сказал про мафию?

— Никто, — голосом, в котором сквозила бесконечная усталость, проговорил Арнольд.

— А Джильотти знает, что вы отправились искать мафию? — голосом, зазвеневшим сталью, неожиданно спросил Вальден.

Вопрос оживил Арнольда. Брезгливая гримаса исказила его лицо.

— Я его презираю, — вырвалось у Арнольда, — он запретил мне видеть Бэби, — с нотками печали в голосе за-

кончил он.

— Ты слышишь, Вальден? — растроганно воскликнула Лили.

— Отстань, — отмахнулся от нее Вальден. — Зачем же вы искали мафию, Арнольд?

— Я хотел узнать у Вальдена, почему он настраивает Бэби против меня?

— Это неправда, Арнольд. Я знаю, что...

— Молчи, ты с ума сошла, Лили.

— Арнольд, вы устали? — видя, что Арнольд как то весь осунулся, заботливо спросил его Вальден, — скажите, не стесняясь, Арнольд, вы у друзей.

— Я смертельно устал, — вырвалось у Арнольда.

Несколько заботливых рук в тот же момент подхватили его и через несколько минут он спал глубоким сном в помещении, прилегавшем к мастерским.

Как только Арнольд заснул, в мастерской закипела работа. Неожиданное появление Арнольда дало возможность приступить к осуществлению давно намеченного плана. Приготовления к пробе были быстро закончены. Каждый спешил, сознавая, что близится решительный час. Лили, вернувшись из своей комнаты, всплеснула в ужасе руками.

— Это что же еще будет? — недовольно спросила она. — Вместо того, чтобы найти несчастного Неро, одурманили вашими ужасными лучами человека и приволокли его сюда.

— Не беспокойся, Лили, — успокаивал ее, улыбаясь, Вальден, — мы сейчас попытаемся испробовать наши лучи только на крысах. Ты ничего не имеешь против, что мы одурманим пару крыс? — весело пошутил Вальден.

Лили недоверчиво покачала головой. Дав знак людям, возившимся у аппаратов, — Вальден нежно обнял Лили.

— Ты видела, наверное, на выставке картину, изображавшую пещеру. Стены ее влажны от сырости, на полу в хаотическом беспорядке валяются камни. На одном из них, одетый в овечью шкуру, стоит человек. В руках у него флейта. Он играет на ней, пристально смотря перед собой. Поднявшись на хвосты, разинув пасти, на полу, на камнях, за-

полнив всю пещеру, как очарованные слушают свирель змеи.

— Довольно, Вальден, а то я закричу, — вырвалась из его объятий Лили. — Тебе доставляет удовольствие меня пугать. К чему ты рассказываешь про эти ужасы?

Вальден пожал плечами.

— Тебе не угодишь, Лили. Я хотел только этим сказать, что то же, что достигал человек в пещере игрой на свирели, мы в состоянии достичь лучами наших аппаратов.

Лили, надувшись, ничего не ответила Вальдену. В это время на экране запестрели разнообразные пятна. Как только появились красные точки на белом поле, Вальден включил другие аппараты. Небольшие красные пятна стали неудержимо расти, сливаясь в одно целое. Повинуясь лучам, крысы поспешно стекались, как под гипнозом, туда, куда слали лучи аппаратов. Проба кончилась. Зажужжали машины. Арнольд проснулся через несколько часов, одел вычищенное платье, взвалил на спину мешок и с тем же отсутствующим взглядом направился к выходу. В дверях столпился весь персонал мастерской. Не замечая их, напоминая собой скорее какой-то совершенный автомат, чем человека, Арнольд прошел мимо. Постепенно звук его шагов замер вдали.

XIII

Через раскрытую балконную дверь ворвался луч света. Скользя по О'Генри, луч, обежав комнату, исчез. Появление луча прожектора удивило больного. Сбросив с себя резким движением одеяло, он встал. Шаг за шагом, придерживаясь за кровать, он начал пробираться к стене. У стены он перевел дыхание и прислушался. Из соседней спальни через приоткрытую дверь доносилось ровное дыхание спящей Нелли. Она ничего не слышала. Стараясь не производить ни малейшего шума, О'Генри пошел вдоль стены. На балконе, тщательно прикрыв за собой дверь, он вздох-

нул свободней. Им овладело ощущение ребенка, счастливого, что удалось обмануть бдительность наставника. Облокотившись на перила балкона, О'Генри жадно вдыхал свежий ночной воздух. Перед ним расстилался парк. За ним обычно высились силуэты колоссов с фасадами, залитыми светом. Сегодня не струился вдоль их фасадов свет. Город был погружен в темноту. Где-то в глубине неба светлячками плавали прожекторы. Снопам лучей воздушных маяков причудливо переплетались, создавая иллюзию шахматного поля. О'Генри хорошо знал, что для того, кто попадет в квадраты этих полей, спасения не было. Ему было ясно, что сегодня все приготовили для приема незваных гостей. Кто-то угрожает столице мира. Но кто? Ответ пришел сразу. Никто, как Джильотти. Решив это, О'Генри почувствовал потребность действовать. Ему стало казаться, что над делом всей его жизни нависла еще неизвестная ему, но страшная угроза, которую лишь он может предотвратить.

«Как могла она держать меня в заблуждении?» — подумал он с горечью о Нелли. «Нужно наверстать потерянное время, нужно работать», — произнес он, отойдя от перил, и направился по балкону в свой рабочий кабинет.

У дверей кабинета силы изменили ему, он чуть не упал. На письменном столе О'Генри застал тот же установленный им раз навсегда порядок. Справа лежала папка с бумагами для подписи, слева — дневная газета.

О'Генри раскрыл газету. Вместо передовой он нашел бюллетень о своем здоровье. Просматривая страницы газеты одну за другой, О'Генри не мог в ней ничего найти, что объяснило бы ему происходящее сегодня ночью. «Может быть, маневры», — мелькнула успокоительная мысль. Пробежав газету, он машинально начал рассматривать объявления. Бросился в глаза напечатанный крупным шрифтом призыв начальника обороны столицы. На душе О'Генри стало тревожно, газета выпала из рук. Он понял причины ночной тревоги. Откинувшись на спинку кресла, О'Генри просидел несколько минут с закрытыми глазами. Почувствовав себя лучше, он решил вызвать штаб обороны. — Там знают, насколько неотвратим конфликт, — решил он. Преж-

де, чем он успел осуществить свое решение, у него появилась новая мысль:

«А где же Орлицкий? Что с ним?»

Он начал вспоминать. Никто из посетивших его во время болезни не заикнулся об Орлицком. Ничего о нем не говорила и Нелли. О'Генри забеспокоился, не случилось ли с ним несчастья? Недолго думая, О'Генри надавил ряд кнопок, вделанных в крышку стола. По эфиру полетел вызов «Церону». О'Генри стал ждать. Прошла минута, десять... ответа не было. Нервно пододвинув к себе телеаппарат, О'Генри вызвал штаб обороны. Через мгновение перед ним показалось озабоченное лицо начальника штаба. Неподдельная радость показалась на его лице, как только он узнал О'Генри. Сжато, несколькими фразами он объяснил О'Генри причины сегодняшней тревоги, подчеркнув вызывающее поведение оранжевой залы за последний месяц.

— Вы видите, — закончил он, — что при создавшейся обстановке, мы не могли иначе поступить. Армада вылетела в неизвестном направлении, было много данных предполагать, что она могла нагряться и к нам.

— Что с Орлицким? — спросил О'Генри.

Генерал нахмурился.

— Не знаю, — ответил генерал после короткого раздумья.

Затем, после небольшой паузы добавил:

— Когда вы заболели, Орлицкий вызвал меня и сказал мне, что нашел единственное средство, которое может вас вылечить. Видя мое недоумение, он пояснил, что надо уничтожить очаг заразы, иначе с вами будет то же, что было с Биллем, Стеверсом и Мартини.

— Неужели я был так серьезно болен? — вырвалось у О'Генри.

— Вы хотите сказать, «безнадежно болен» — мягко поправил его генерал. — Через день после нашего разговора «Церон» улетел. Сначала два раза в день Орлицкий говорил со мной, но ни разу не сказал, где он. Десять дней назад он заявил, что вас вылечил. Не объясняя эту загадочную для меня фразу, он прервал связь, добавив мельком,

чтобы о «Цероне» не беспокоились. Больше он не давал о себе знать.

На столе вспыхнули лампочки, это отозвался «Церон». Прервав разговор с генералом, О'Генри попытался поднести к уху слуховую трубку и не смог. Его силы были исчерпаны. В изнеможении он облокотился на стол. Сколько времени О'Генри провел в забытьи, он не знал, так как очнулся, лишь услышав голос Нелли. Она говорила с Орлицким. Изображение Орлицкого на пространственном экране находилось в нескольких шагах от О'Генри. Орлицкий смотрел на него, укоризненно качая головой.

— Так вот как ты слушаешься докторов и свою жену, — насмешливо произнес он.

О'Генри рассердился.

— Как ты можешь смеяться в такой момент?

— А отчего же нет? Ты не слушаешься докторов и свою жену. Это лучшее доказательство того, что ты совершенно выздоровел.

— Пойми, Орлицкий, что с минуты на минуту может напасть на нас Армада.

— Она обезоружена «Цероном», милый О'Генри, и не сегодня-завтра пополнит наш воздушный флот.

О'Генри не смог дослушать Орлицкого, ему сделалось плохо. Кабинет начал наполняться людьми. Около О'Генри завозились доктора. Помочь Нелли пришла и Элен, одетая в глубокий траур. О'Генри унесли в спальню. Перед пространственным экраном, жадно ловя каждое слово Орлицкого, стояла толпа людей.

Не теряя времени, Орлицкий передал начальнику штаба содержание приказа Джилльотти, отданного им Армаде. «Уничтожив в стране ламаитов “Церон”, разгромить потом столицу мира», — гласило секретное приказание, которое, разорвав конверт, прочел Орлицкий. Присутствующие многозначительно переглянулись. По всей стране ротаторы утренних газет остановились в ожидании матриц с оригинальным приказом Джилльотти. Заявление Орлицкого о том, что на буксире «Церона» идет обезвреженная Ар-

мада в 60 единиц, вызвало бурю восторга у присутствующих. Орлицкий сделал знак и рядом с ним очутилась Рита.

— Элен, — обратился Орлицкий к матери Риты, помогшей Нелли уложить ОТенри в постель, — Рита спрашивает вашего разрешения выйти замуж.

Среди присутствующих раздалась возгласы одобрения.

— Орлицкий не шутит, Рита? — спросила Элен серьезно дочь.

— Да нет же, мама, совершенно серьезно.

— А я знакома с твоим будущим мужем?

— Знакома, мама.

— Кто же он?

— Орлицкий, — краснея, сказала Рита.

— Ты с ума сошла, — искренне вырвалось у Элен.

Рев восторга присутствующих не дал ей возможности закончить.

XIV

Успех. Да, успех. Ошеломляющий успех. Бэби зажмурилась. Перед нею встал нарядный зал, залитый светом. Насколько он был холоден и неприветлив, когда она запела. А что стало с чопорной толпой потом? Но почему так пусто на душе? Почему? Не было Арнольда, подсказал внутренний голос. — Противный, — раздраженно подумала Бэби. — К чему было клясться в своей любви, чтоб через день, не сказав даже «прощай», исчезнуть. Гадкий, некрасивый, глупый... да, что я нашла в нем такого? — Ее размышления прервал стук в дверь. — Не Арнольд ли стучит? — мелькнула радостная мысль.

Запахнув халат, она подбежала к двери и раскрыла ее. Бэби ждало разочарование. За порогом стояла, притаившись ватага приятелей и сослуживцев. Прежде, чем она смогла что либо предпринять, они были в комнате. Почувствовав себя хозяевами положения, приятели, шутя и смеясь, начали ее тормошить. Используя все, что попадалось под

руку для ваз, они принесенными букетами превратили комнату Бэби в оранжерею. Зашелестели газеты. В большинстве дневных изданий уже были рецензии. Пока она прихлебывала горячий шоколад, ей читали их вслух. Бэби рассеянно слушала комплименты.

— Где Арнольд? Что с ним? — все чаще мучила ее назойливая мысль, — не болен ли?

Звонок телефона влил в нее немного надежды. Но надежда услышать голос Арнольда не оправдалась. Правда, говорил мужчина, но голос был незнакомый и чужой. Он оказался голосом секретаря оперы. Бэби звали в дирекцию для переговоров. Ей хотелось побыть одной. Присутствие посторонних раздражало. Ссылаясь на усталость, она с трудом выпроводила восторженных приятелей. Самое ужасное было в том, что ей не с кем было поделиться своим горем, а переживать его самой было так тяжело. Бэби стало жалко себя. На глаза навернулись слезы. Когда телефон начал снова настойчиво звонить, Бэби долго колебалась, подойти к нему или нет. Благоразумие взяло верх. Поднеся трубку к уху, она просияла от радости. У телефона была Лили. Если бы не вмешательство Вальдена, разговор никогда бы не кончился. У Лили были новости про Арнольда. Сама она пережила очень много ужасного, погиб Неро. Бэби горячо ей посочувствовала. Лили взяла с Бэби слово, что никуда не выйдет из комнаты до их прихода.

До прихода Вальдена и Лили оставалось еще несколько часов. Чтобы как-нибудь убить время до момента, когда можно будет заняться своим туалетом, Бэби начала перелистывать газеты. Увидев свою фотографию в них, она капризно надула губки. Перед зеркалом, держа газету в руках, она долго себя сравнивала с фотографией, помещенной в ней. — «Как он смел поместить такую фотографию, — подумала она о профессоре, — ведь я же в действительности гораздо лучше». — Слова Бэби были неискренни. Она великолепно знала, что это была одна из ее лучших фотографий. Присев у окна, она пробежала рецензии. В них ее возносили до небес. Кончив читать, Бэби три раза стукнула по

шкафу из красного дерева. Это она сделала на всякий случай. Кто знает, может дерево сбережет от дурного глаза.

Резкие неприятные звуки, донесшиеся с улицы, придали другое направление ее мыслям. Она высунулась в окно. Внизу под нею ползла колонна огромных желтых чудовищ. Бэби вспомнила, за углом была пожарная команда. Но странно, почему, вместо того, чтобы, как обычно, бежать за пожарными, прохожие сегодня убегали от них. У входа в соседний небоскреб была давка. Мужчины кулаками прокладывали себе путь вовнутрь. Бэби почудилось, что там кричит ребенок. Рискую сорваться вниз, она высунулась в окно. Над воротами, у которых происходила давка, стояла надпись: 137 подземное убежище. Тот же резкий неприятный звук сирен послышался сверху. Почти задев крыльями за крыши небоскребов, плавно плыли по воздуху колонны пожарных амфибий. Вскоре голоса их сирен замерли вдали. Улица стала безлюдной. Бэби встревожилась. Попробовала позвонить, никто не ответил. Телефон был выключен. Уйти, убежать к знакомым? Нельзя. С минуты на минуту могли явиться Лили и Вальден.

— Что делать? — заметалась в страхе Бэби по комнате. Случайно ее взгляд упал на старое радио, скромно стоявший в стороне. Она его включила.

— Правительство не отвечает за безопасность тех, кто не счел нужным выполнить его распоряжений.

— Какие распоряжения? — в ужасе закричала Бэби. — Слушайте, вы, я ж ничего не знаю. Мне никто ничего не сказал.

Спикер продолжал говорить как ни в чем не бывало. Бэби опомнилась. Спикер ее слышать не мог. А вчера действительно пришло письмо, которое она не вскрыла. Лихорадочно перерыв все на столе, Бэби нашла письмо. Это было целое воззвание.

— Граждане, — стояло в нем, — наш долг подготовить вас к обороне страны, а также научить, как избежать опасности. Враг в воздухе не дремлет. Когда негаданно нагрянет, будет поздно. Вы отдаете себе отчет в том, что будет с вами, если только десять процентов его воздушных судов

сумеют прорваться до нашей столицы? Нет, вы не отдаете себе отчета. Вы не знаете, что с вами будет, если все, как один, вы не примете надлежащих мер. Вся цель противника, весь смысл его атаки — выгнать вас наружу из убежищ, чтобы захлестнуть волною убийственных газов. Берегите убежища, жертвуйте на них, подписывайтесь на заем спасения нации. Только они сохранят вам жизнь. Несколько десятков воздушных торпед, дорвавшись до городов, залиют их зажигательными бомбами. Граждане, помните, что нет такой брони, которая смогла бы противостоять им. Нет небоскребов той высоты, про которые можно было бы с уверенностью сказать, что бомба не сможет пронизать десяток этажей. Непроницаемы для них лишь толщи потолков наших подземных убежищ. Выгнав огнем народ из жилищ, «Цероны» забросают его снарядами, наполненными газами. Слушайте штаба обороны. Только в убежищах под землю вы будете в безопасности. Сегодня вы увидите собственными глазами весь ужас войны. Прячьтесь в убежища. Боевыми снарядами наши воздушные демоны зажгут один из районов.

— Зззз... бум, ззззбум, ззззбум, бум, бум, бум... — загремело вблизи .

Бледная, как полотно, Бэби зарыла голову в подушки.

— Начинается, — дрожа всем телом повторяла она, вне себя от страха.

Взрывы кончились. Тотчас же пронзительно заревели сирены. Это ринулись пожарные тушить загоревшиеся дома. Настойчивый, продолжительный стук в дверь перепугал Бэби окончательно. Кто-то барабанил кулаком по двери, требуя, чтобы она сейчас же открыла. Еле держась на ногах, Бэби с трудом добралась до двери. Щелкнул замок, и дверь распахнулась. На пороге стояли Лили и Вальден. Зарыдав, Бэби бросилась на шею Лили. Натянутые до отказа нервы девушки не выдержали.

— Глупая, что с тобой? — утешала ее Лили.

Придя в себя, Бэби призналась, что чуть не умерла от страха. Демонстрация кончилась. Улицы начали наполняться людьми. Гудя, огромные желтые чудовища проле

тали мимо, направляясь в свои ангары.

— Разве можно так пугать людей? — изредка всхлипывая, говорила Бэби.

— Это, дорогая, вам, верноподданной Джильотти, лучше знать, чем мне, — насмешливо улыбаясь, возразил Вальден.

— Не говорите глупости, Вальден. Джильотти столько же мой, сколько и Ваш.

— Не слушай его, Бэби, — нежно целуя ее, сказала Ли-ли. — Расскажи нам про твое выступление. Я так обрадовалась, услышав про твой успех.

— Знаешь, — вытирая слезы, оживленно заговорила Бэби. — Все это вышло так неожиданно, что порой мне кажется, что все это мне приснилось. Я совершенно не собиралась выступать. Еще лучше, ведь на этот вечер я попала совершенно случайно. У моего профессора пения оказался почему-то лишний билет. Я попросила его, он охотно мне его уступил. На концерте мы сидели рядом. Не в пример другим благотворительным вечерам, все шло, как по маслу. Никто из участников не оказался больным. Программа выполнялась точно и вовремя. В антракте между первой и второй частью профессор ушел за кулисы. Главным гвоздем вечера была знаменитая Энит. Ее выступлением должна была начаться вторая часть. Но она, узнав, что не будет Джильотти, объявила себя больной. Все прошло бы гладко, если бы вдруг Джильотти не взбрело в голову приехать во время антракта. Можете представить, какая поднялась суматоха. Все потеряли голову. До поднятия занавеса осталось 1-2 минуты, как неожиданно ко мне подошли и попросили пройти за кулисы. Там меня ждал профессор. Не смотря на меня, профессор приказал мне идти вперед. Я пошла, не зная, в чем дело. Когда взвился занавес, было уже поздно убежать, пришлось петь. Страшно было сначала, а потом ничего, разошлась.

— Bravo, bravo, Бэби, вы, должно быть были очаровательны на сцене, но сейчас, рассказывая, вы прямо бесподобны. Я одобряю вполне вкус Арнольда.

— Не балаганьте, Вальден. Что с Арнольдом?

- Вы его скоро увидите, Бэби.
- Как скоро, Вальден, Лили? Как скоро?
- Через несколько часов.

XV

По залитым народом улицам к площади Победы отовсюду стягивались войска. До начала парада оставалось еще много времени. Тщетно старик и девушка, прибывшие издалека на торжество, пытались найти место, с которого был бы хорошо виден парад. Все подступы к площади были заняты обывателями еще с раннего утра.

По улице, на которой находилась девушка, шел полк крылаток. Они напоминали стрекоз. Те же упругие тонкие ножки, те же прозрачные крылышки, изящно сложенные на спине. Вместо глаз торчала голова в шлеме — голова водителя стрекоз. Семена ножками по мостовой, сохраняя равнение в рядах, машины плавно двигались вперед.

«Марш вперед, труба зовет, черные гусары», — полился тенор из одной из машин.

Толпа притихла. Чувствуя, что привлек внимание толпы, тенор запел еще проникновеннее, еще страстнее:

— «Смерть идет, на бой зовет, черные гусары».

Как зачарованная, слушала девушка пение.

— Как хорошо! — вырвалось у нее, когда тенор замолк. Затем, после короткого раздумья добавила:

— Но как не вяжется песня с машинами, на которых они едут.

— И я говорю, что не вяжется, — ворчливо согласился старик. — Лошадей и любви не хватает в наше время, милая.

— Ты опять про свое, дедушка.

— Что опять? Песня-то тебе наша старая гусарская нравится?

— Нравится, дедушка.

— Ну, а гусар-то без лошади и любви жить не мог. А любовь у них тоже была особенная, не такая, как у нас. — Старик презрительно фыркнул. — Какая теперь любовь? Теперь-то женщина на что угодно походить стала, только не на женщину, а лошади, — добавил он с сожалением, — совсем уже выродились.

Девушка улыбнулась.

— Смеяться-то не над чем, плакать нужно, — сердито сказал старик, заметив улыбку девушки. Слова старика обидели девушку, она отвернулась, притворившись, что внимательно слушает громкоговоритель.

— Сейчас, — говорил спикер, — представители мужских и женских когорт страны приносят присягу вечной верности.

— Ну, кто им поверит? — язвительно произнес старик.

— Тише, — зашипела на него внучка. — Вы с ума сошли, вас могут услышать, донесут на вас.

— Пусть доносят, — пожал плечами старик. — Я не боюсь. Винт в машине испортится, они ее бросят, а сами побегут в тыл, требовать новую машину. Разве не правда?

— Может быть, и правда, дедушка, но незачем громко говорить об этом.

Речь спикера прервал гром аплодисментов. Когда аплодисменты стихли, спикер продолжал:

— На трибуну вошла Роза Нелькин, начальник женских когорт.

— Слышишь?! — многозначительно спросил старик.

— Слышу, но ничего не вижу в этом ужасного.

— Вместо того, чтоб детей рожать, Роза в фельдмаршалы лезет, это не ужасно, по-твоему?

— Ну, а во времена ваших гусар на нас, как на рабынь, смотрели, это, по-вашему, хорошо было?

— Ничего подобного, — искренне возмутился старик. — Откуда ты это взяла?

— Как откуда? А кто, как не вы рассказывали мне про жизнь, проводимую предками в попойках и драках, т. е. дуэлях, я хочу сказать. Воображаю, как тяжело было жить в это невежественное и некультурное время.

Пока девушка, разгорячившись, спорила, полк крылаток сдвинулся с места. Толпа, напиравшая со всех сторон, хлынула за ним. Людская волна, сдавив до потери сознания старика и девушку, сорвала их с места и понесла с собой. Было больно, захватывало дыхание. Терялось представление о времени. Как бы устав измываться над ними, людской поток так же неожиданно освободил их, как и схватил. Жалкие, измятые, полуживые, они с трудом пришли в себя. Медленно поддерживая друг друга, они устремились к ближайшей станции аэрокаров. Встречным, радостно стремившимся в толпу, они уступали дорогу, не отвечая на расспросы. Им хотелось одного — домой, как можно скорее попасть домой.

Когда Джильотти появился на крыльце дворца, оркестры, расположенные на площади, заиграли гимн. Он остановился. Перед ним расстилалась площадь Победы, залитая светом, превратившим ночь в день. Несколько мгновений он созерцал море голых голов, слушавших гимн, устремив на него свои глаза. Потом он перевел свой взгляд на бесчисленные боевые машины, стоявшие на площади. — Это мощь, — подумал он и самодовольно улыбнулся. Осторожно, чтобы не оступиться, смотря под ноги, Джильотти начал сходить по лестнице, ведшей на площадь.

— Экселенция, назад!

Вздрогнув от окрика, Джильотти поднял голову. Начало прохода, ведшего от крыльца к трибуне, стоявшей на середине площади, было залито каким-то странным бурым пятном. От него исходил сильный мускусный запах. Бесчисленные крысы прибывали со всех сторон. Пятно быстро набухало, заливая проход. Вдоль окаменевших от ужаса шпалер, стоявших с зажженными факелами в руках, крысы двигались к трибунам. Молча, не издавая ни одного звука, они двигались, как в трансе. Народ, увлеченный пением гимна, не замечал их. Джильотти скрылся во дворце, приказав захлопнуть за ним массивные двери. Не зная еще, в чем дело, толпа нажимала сзади на тонкую цепь шпалер, ограждавших проход. Авангард докатился до женских когорт, охранявших трибуны. Оцепенев от ужаса, держа пылаю-

щие факелы в руках, смотрели женщины на крыс. Мускусный специфический запах щекотал ноздри. Дикий крик смертельного ужаса одной из них привел их в себя. Почувствовав недоброе, насторожилась вся площадь. Ряды войск, стоявших шпалерами, дрогнули. В бурый поток полетели факелы. Неистово крича, прокладывая путь ударами прикладов и тесаков, войска ринулись на толпу, ища внутри ее спасения. Осатанев от обжогов и рева, крысы ощерились. Гипноз прошел. Сначала они облепили задавленных толпой. От крови они озверели и начали пачками кидаться на людей. Площадь застонала от ужаса. Положение попытались спасти бесчисленные машины. Эта попытка ни к чему не привела. Их колеса и гусеницы буксовали в кровавом месиве. На смену же раздавленных сотен, недра столицы изрыгали на поверхность новые тысячи крыс. Бурое пятно разлилось по всей площади. Животные сновали между машинами в крови, с опаленной шерстью. Они брали их приступом. Казалось, еще немного, и звери разбредутся, сея смерть, по всей столице. Вдруг, как бы услышав призыв волшебной флейты, они начали собираться в колонны. Как в трансе, не спеша, одна за другой, они повернули обратно, домой, — в недра столицы. Полупустой аэрокар, оставив далеко за собой столицу, неся вдаль. Девушка, затаив дыхание, слушала старика. Он с увлечением говорил о далеком прошлом.

— Прадед сидел за гусарским столом, — говорил он, — за которым в тот вечер было особенно шумно. Его товарищи были веселы. Вино ли, лившееся рекой, скрипки ли цыган, игравшие особенно страстно, повлияли, но разговор шел только о любви и о женщинах. У каждого из сидящих за столом было чем похвастаться. Прадед был молод, неопытен, ему нечего было рассказывать о себе. Страстные песни цыган, рассказы старших, вино, необходимость на днях возвращаться на фронт пробудили в нем скрытую до сих пор на дне души потребность в любви, в ласке. Случайно он встретил взгляд дамы, сидевшей в стороне. Она показалась ему феей, воплотившейся на миг в женщине. Она была одинока, казалась чуждой разгулу пьяного тыла.

Он понял, что именно ее он ждал всю свою жизнь. Он встал и пошел к выходу через огромный зал ресторана. Минуту ее стол, с непонятной для самого себя ловкостью, он бросил на него записку, скомканную в шарик. В ней была одна-единственная фраза, но ее он вырвал из сердца. Вернувшись он долго тщетно ловил ее взгляд. Около полночи, встретив ее глаза, он прочел в них ответ. С ним к нему вернулась самоуверенность, на душе стало легко и радостно. После полночи незнакомка встала из-за стола. Ее проводили восхищенные взгляды всей залы. Незаметно для остальных прадед вышел за нею через другие двери. Гостиница спала. Ковры в коридорах заглушали шаги. Из открытой двери номера падала в коридор узкая полоса света. Прадед вошел в номер. — Старик замолк.

— Ну, а что было дальше? — вся разгоревшись, спросила девушка.

Громкоговоритель, умолкший некоторое время тому назад, привели в порядок и он заговорил. Аэрокар наполнился стонами и криками людей, погибавших на площади Победы. Пассажиры в ужасе переглянулись. Аэрокар плавно снижался у конечной станции.

XVI

Хозяин столицы — экономический трест — широко распахнул двери подземных убежищ. В гостеприимно раскрытые им двери ринулись без исключения все. Под землей закипела своеобразная жизнь. Подвижные лестницы и подъемные площадки без перерыва доставляли вниз все новые и новые группы людей. Около входа, в стороне от граждан, стояла компактной группой охрана оранжевой залы. Сначала охрана храбрилась. Это продолжалось недолго. Слухи, носившиеся под землей, становились все фантастичнее и фантастичнее. Обыватели нервничали, жадно впитывая в себя все вести, приносимые снаружи. Людьюми, приютившимся в подземных убежищах, овладела паника. Все

чаще то там, то здесь можно было услышать или рыдания, или истерический смех. Поддавшись общему настроению, охрана разбрелась. Вид разрозненных, перепуганных, не знающих, что делать, солдат только увеличивал панику. Громко говорилось про то, что наверху происходят не маневры, а что идет настоящий бой. Одни очевидцы с пеною у рта утверждали, что над городом реют эскадры «Церонов». Другие клялись, что сгорел дворец Джильотти и что в огне погиб он со всем правительством и генералитетом. Наконец, третьи сообщали, что столица застлана удушливыми газами. Чуждый царящему в убежищах хаосу, Арнольд протискивался через толпу. Смотря невидящим взглядом перед собой, он задними ногами упорно шел все дальше и дальше. В его затуманенных мозгах жила лишь одна мысль. Он был во власти одного лишь желания как можно скорее достигнуть оранжевой залы. Инстинктивно, чтобы стать снова самим собой, чтобы освободиться от навязываемой ему лучами чужой воли, он спешил, выбивался из сил, преодолевая неудобные крутые лестницы, перескакивая с площадки на площадку, как акробат, но шел вперед. Несколько раз его сбили с ног люди, близкие к сумасшествию. Они искали родных, затерявшихся где-то в миллионной толпе. Арнольд подымался и снова шел вперед. Наконец, он достиг оранжевой залы. Кругом не было ни души, все вымерло. Откуда-то снаружи донеслись взрывы. Арнольд остановился. Сторожким взглядом хищника он осмотрелся и быстро стал подыматься по лестнице, ведущей в помещение стражи. Караульное помещение находилось под оранжевой залой. Дойдя до него, Арнольд оглянулся. Никого. Его мозги раскаленным железом жгла новая мысль: никто не должен вас увидеть, никто никогда не смеет узнать, что вы были. — Убедившись, что его никто не заметил, Арнольд вбежал в помещение охраны, захлопнув за собою дверь. На столах валялась неубранная посуда, по комнатам были разбросаны оружие и одежда. Было видно, что приказание уйти в убежище застало сторожей врасплох. Все бросив, кто в чем был, они ушли под землю. Убедившись, что помещение пусто, Арнольд остановился посередине, сбросил

на пол мешок, одетый на спину, деловито его развязал. Вынул из него ряд свертков и, задумчиво вертя один из них в руках, начал раздумывать, куда их положить. В кабинете начальника стражи на столе валялась забытая им в суматохе связка ключей. Рассовав свертки в ящички столов и шкафов, Арнольд тщательно закрыл их и вернул ключи на старое место. Схватив мешок, он быстро вышел, оставив за собой дверь открытой. По лестнице он сбежал на площадку. Он сделал это вовремя. Со всех концов струился возбужденный народ. Демонстрация кончилась. Люди хлынули из убежищ наверх, стыдясь проявленной ими внизу малодушности. Стража возвращалась на свои посты. Солдаты, подавленные пережитым в убежище, избегали смотреть друг на друга. При виде охраны Арнольд, уже пришедший в себя, испытал какое-то странное чувство, которое толкало его прочь от них. Резко повернувшись, он направился к себе. Свертки, скрытые Арнольдом в ящичках, были инструменты Вальдена. Своими лучами Вальден мог, когда хотел, привести их в действие, а они в свою очередь из подземелий, как волшебные флейты, в район площади должны были бы привлечь крыс. Подходя к своей канцелярии, у него исчез страх и он стал чувствовать себя легко и свободно. Он с удивлением смотрел на возбужденную толпу, стремившуюся куда-то по обычно полупустым коридорам. У дверей канцелярии его окликнул сослуживец;

— Где вы были, Арнольд?

— Как где? — искренне удивился Арнольд. — Пошел с утра в экскурсию, вернулся из нее раньше, чем предполагал. Вы лучше мне объясните, откуда столько народу сегодня?

Сослуживец покачал соболезнующе головой и, не сказав ни слова, ушел. Обидевшись, Арнольд вошел в канцелярию. Подойдя к своему письменному столу, он, машинально бросив взгляд на календарь, замер от удивления. Он пробыл в отсутствии не несколько часов, как был уверен, а целых два дня. На столе лежали несколько писем. Его внимание привлекли два из них. На одном был так хорошо знакомый ему герб; конверты же двух других были

написаны хотя и различными, но характерными женскими почерками. Перед тем, как начать чтение, Арнольд вынул из портфеля карту. Ее поля были испещрены записями. Не было главной — обозначения места, где был найден им труп собаки. Арнольд нахмурился. Кто-то стер его заметку. Кто же?

— Мафия, — подсказал ему внутренний голос. — Она продержала тебя у себя больше суток.

Арнольд горько усмехнулся.

— Один в поле не воин, — прошептал он и взял в руки письмо с инициалами Джильотти.

В нем была угроза. Арнольд, не дочитав, разорвал письмо.

— Не пошел и не пойду на твои балы, — упрямо сказал он.

Затем, подумав мгновение, добавил:

— Скорее перейду к мафии, чем сделаюсь твоим агентом.

Другое письмо было от Лили. Оно было коротко и загадочно.

«Я, Бэби и Вальден ждем вас на квартире у Бэби. Ваш неприход для Бэби сможет иметь трагические последствия».

Арнольд заволновался: что с ней? больна? арестована? Для очистки совести, думая только о Бэби, он вскрыл третье письмо. Оно было от балерины, официальной любовницы Джильотти. — Час от часу не легче, тяжело вздохнув, подумал Арнольд. — Она-то что от меня хочет? — Сказав это, он принялся читать письмо. Читая, он постепенно менялся в лице.

— Вот так здорово, — произнес он, закончив чтение, — молодец женщина, здорово разыграла все сильного и всемогущего владыку.

В письме женщина с змеиными глазами сообщила, что была десять лет его любовницей, так как это был единственный путь фонировать все его тайные распоряжения. — Желает мне и Бэби счастья. Клубок начинает разматываться, — радостно подумал Арнольд. — Значит, мафия сов-

сем не мафия, а просто-напросто агентура наших соседей, которых так ненавидит Джильотти. А кто же Вальден?

Было поздно; чтобы вовремя попасть к Бэби, нужно было заехать еще домой переодеться. Арнольд на крыше небоскреба сел в хектолиоптер, чтобы добраться скорее до дома. В воздушном автобусе, вопреки обыкновению, все пассажиры были очень общительны, говорили громко вещи, о которых еще вчера боялись даже подумать. Они оживленно обменивались мнениями о событиях. Влево от Арнольда тучная женщина рассказывала жадно слушавшим ее соседям про жизнь любовницы Джильотти. Арнольд внимательно слушал, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Ангел она, а не женщина, — говорила убежденно толстуха.

— А он? — спросила ее соседка.

Женщина вздохнула:

— И не спрашивайте, — проговорила она. — Не человек он, — многозначительно произнесла слово «он», — а чудовище, — закончила женщина.

— Откуда у вас, сударыня, такая странная информация?

— Почему странная? — обиженно произнесла женщина, — информация моя из первых рук, от моей племянницы, которая там служит.

— Так, так, — поддакнул неопределенно желчный господин, задавший вопрос. — Вы меня извините, — продолжал он, — но я был до сих пор уверен, что ангелы ни блудом, ни кражами не промышляют.

— Как вы можете явно за глаза так говорить о женщине? — Вспылил Арнольд.

Презрительно посмотрев на него, господин сухо сказал:

— Могу, молодой человек.

— Почему? По какому праву? — бросил в его сторону вызывающе Арнольд.

Господин, выдержав длинную паузу, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Могу, так как за поимку этой женщины расписана сегодня награда.

— В чем дело? — слышалось со всех сторон.

— В том, господа, что она сегодня улетела, унеся с собой документы, деньги и брильянты, принадлежавшие тайному фонду.

— Неужели? — радостно вырвалось у Арнольда.

Пассажиры начали переглядываться. Арнольд осекся. Он понял, что перешагнул через грань дозволенного. Разговор в автобусе как-то сам по себе завял. Каждый начал задумываться над тем, что не сболтнул ли и он лишнее. Желчный господин, пошептавшись с кондуктором, попросил Арнольда назвать себя. Он оказался советником департамента общественной безопасности. Арнольд молча подал ему визитную карточку. Прочтя ее, господин изменился в лице.

— Простите, — забормотал он растерянно, — великодушно простите меня, старика, за глупость. Я же с лучшими намерениями завел этот разговор.

Через минуту весь автобус знал, что с ними едет племянник злогласного Джильотти.

XVII

Адмирала начало клонить ко сну. Откинувшись на спинку кресла, он зевнул раз, другой... Вспомнив, что время вскрыть конверт, он, не открывая глаз, пошарил рукой по столу. Пальцы руки беспомощно разжались, не донеся до него конверта. Голова склонилась на грудь и он заснул глубоким сном. Когда адмирал проснулся, было темно и тихо. Его поразило, что не было слышно обычного гудения машины. Взглянув на светящийся циферблат часов, он пришел в ужас. Часы на руке показывали восемь.

«Проспал, — с досадой подумал он. — Заснул в самый последний момент. А этот негодяй, картежник и пьяница заигрался, наверное, в карты».

Протянув перед собой руку в поисках сигнала, адмирал увидел, что перед ним нет стола.

— Что за чертовщина? — удивился адмирал. — Не пьян ли я случайно?

Чтобы проверить себя, он встал. Ощупывая предметы около себя, он вполголоса испускал проклятия. Ничего, кроме камня, шероховатого или гладкого, его пальцы не нащупали.

— Наваждение какое-то, глупый сон и только, — шептал в недоумении адмирал.

Не зная, что делать, адмирал водворился обратно в кресло.

Перед ним промелькнуло все то, что предшествовало моменту, когда он заснул. Он отчетливо помнил, как в полдень сошел с мостика и прошел в свою каюту. Флагманский корабль, на котором был поднят его флаг, вел, рассекая эфир, Армаду. Куда лежал их путь, он еще не знал. В 12 часов 10 минут он должен был раскрыть конверт, переданный ему лично Джильотти. Машины на всех кораблях вели себя безупречно. Сегодня даже пресловутый 917 подтянулся и не отставал ни на ярд. На душе было легко и радостно. Все говорило про скорый успех. Он помнил, что в 12 часов сошел в свою кабину. Как сейчас, он помнил, что в 12 часов и 9 минут, зажмурив глаза, протянул руку за пакетом. Больше адмирал ничего не мог вспомнить. Что же случилось? — теряя самообладание, занервничал адмирал. Где Армада? Где люди? Камень, окружавший адмирала, не отвечал на его вопросы. В отчаянии адмирал закричал диким пронзительным голосом. Набрякли на шее жилы, стало багровым лицо. А адмирал все кричал, пока крик не перешел в хрип и на губах не появилась пена. Где-то далеко за толщей каменных стен услышали крик адмирала. Зазвучали голоса. Сначала где-то вдали, затем все ближе начали раздаваться шаги и голоса. Снаружи донесся стук отодвигаемых засовов и в комнату, вместе со снопом света, ворвались несколько человек.

— Экселенция здесь, жива?

Адмирал выпрямился, сделал строгое лицо и, одернув привычным жестом сюртук, спросил:

— Где Лунеско?

Из темноты коридора шагнул вперед адъютант. За Лунеско вошли еще несколько человек. Вскоре весь коридор и вся комната до отказа оказались набитыми чинами Армады. Все были налицо. Никто не получил даже царапины. Про судьбу же кораблей никто ничего не знал.

— А население? — задал вопрос адмирал. — Приведите кого-нибудь сюда, может быть, от них что-либо сможем узнать.

— Их нет, экселенция, — вмешался Лунеско. — Они тоже исчезли.

Уныло пропустив вперед адмирала со штабом, чины Армады разбрелись по долине. Все здесь было для них новым.

Когда еще солнце не уходило за горы, улетел «Церон». Осаки долго смотрел вслед за ним, пока он не растаял в бездонном небе. «Церон» улетел не сам. Он увлек за собой на буксире все 60 кораблей армады. Осаки стал одиноким. Не обращая внимания на окружающее, он стоял, углубившись в свои мысли, под палящими лучами солнца. Над долиной зареяли пернатые хищники. Напугавшие их люди ушли. Они снова почувствовали себя хозяевами. Они начали сначала летать осторожно, с опаской. Видя, что Осаки не двигается, они обнаглели. Орел-могильник, огромный и злой, поплыл по небу, высматривая в стаде, оставшемся от ламаитов, для себя добычу. Прежде, чем Осаки успел опомниться, орел промелькнул мимо, чуть не сбив его с ног, спасаясь от стаи коршунов, сообщая напавших на него. В ожидании сумерек Осаки присел на паперти храма. Рядом с собой он поставил маленький ящичек, на котором было написано: «сон» и «явь». Стрелка прибора стояла на «сне». Когда стемнело, Осаки переставил стрелку на «явь». Его глаза, привыкшие к темноте, вскоре увидели силуэты людей у келий ламаитов. Некоторое время спустя там замелькали огни и до Осаки донесся гул голосов. Экипаж Армады, усыпленный Орлицким, пробудился. Нужно было спешить. Вздохнув, Осаки встал и направился в храм. Тщательно заперев за собою входную дверь, он прошел в алтарь. Перед Буддой мерцали лучинки. Взяв одну из них в руки, Осаки на-

чал ползать по полу, рассматривая плиты, пробуя некоторые из них поднять. Сначала это ему не удавалось, но в конце концов одна из плит поддавалась его усилиям, и перед ним открылся вход в пещеру. Держа перед собою тускло горевшую лучину, он начал осторожно спускаться вниз. Первое, что бросилось ему в глаза, это огромный слой пыли, лежавший на ступеньках.

«Веками не удосужились спуститься сюда ламаиты», — подумал Осаки.

Его внимание через несколько ступенек привлекла надпись, сделанная на стене. Надпись была очень древняя.

«Вероятно, на старотибетском», — подумал Осаки.

Его удивляла чистота воздуха, несмотря на то, что ход, извиваясь спиралью, шел далеко в недра горы. Осаки облегченно вздохнул, достигнув последней ступеньки. Перешагнув ее, он вошел в пещеру. Это была широкая просторная комната, высеченная в камне. На ее восточной стороне была выдолблена ниша. В ней было несколько рядов симметрично расположенных цилиндрических отверстий. Осаки засунул руку в одно из них и вытащил оттуда свернутый в трубку грубый пергамент. находка озадачила его. Не разворачивая свитка, при гаснущем свете лучины он бегло осмотрел пещеру. Все в ней было испещрено надписями на старотибетском языке. А в них-то что же? — мелькнула у него мысль и он нервным движением развернул пергамент. Санскритскими письменами было в заголовке отчетливо сказано:

«Завещание».

«Не завещание ли ангелов?» — от этой мысли Осаки радостно вздрогнул.

Догорая в его руках, лучинка, ярко вспыхнув, погасла. Пещера погрузилась в мрак. Вокруг Осаки стало тихо, как в могиле. Сжимая обоими руками пергамент, он опустился на пол. Часы проходили один за другим. Осаки же сидел, застыв в той же позе. Временами ему казалось, что он вне времени. Вдруг ему почудилось, что из пергамента исходит

шелест. Вначале чуть внятный, шелест становился все более явственным. Не было сомнений, говорили письмена пергамента.

Чиnam Армады найти выход из долины не удалось, несмотря на все приложенное ими старание. Прошло три дня, а они не только не знали, кем взяты в плен, не знали, и как взяты. Это-то их и мучило главным образом, заставляя каждого из них и себя считать без вины виноватым в случившемся. По распоряжению адмирала два раза в день должна была устраиваться переключка для всех без исключения. Рапорт адмирал приказал делать только лично ему. Штаб был расположен около храма, в то время как вся остальная Армада расположилась около келий.

Приняв, как обычно, рапорт, адмирал нахмурился.

— И сейчас не было Лунеско?

— Не было, экселенция.

Перед адмиралом горел костер. Насупившись, адмирал смотрел на огонь, весело пожиривший подбрасываемые ветви. Издалека, со dna долины донесся до ушей всех слабо, но явственно самоуверенный голос Лунеско:

Кое-кто волка боится, но не я,	тра-ла-ла, тра-ла-ла.
Три волка за грош вам дам я,	тра-ла-ла, тра-ла-ла.
Кое-кто врага боится, но не я,	ла-ла-ла, ла-ла-ла.
Я волка умею взять, но не он,	та-та-та, та-та-та.
Три волка за грош вам дам я,	та-та-та, та-та-та.
Я врага схватить умею, но не он,	тра-та-та, тра-та-та.

Лунеско, шагая с песней, миновал ночлег Армады. Притаившись, его слушали сотни людей. Его самоуверенный звонкий голос внушал надежду.

Дойдя до сидящего у костра адмирала, Лунеско прекратил пение. Приложив руку к голове, он поклонился адмиралу и с непринужденным видом произнес:

— Честь имею явиться из экспедиции, экселенция.

Шипящим от злости голосом адмирал произнес:

— По экспедициям шляться, щенок, в то время, как другие работают! Не слушаться приказаний!

Лунеско дерзко перебил адмирала:

— Во-первых, не щенок, адмирал, а господин полковник. Во вторых, — повысив голос, сказал тоном, не допускавшим возражений, — следуйте за мной, адмирал, у аппарата вас ждет его светлость правитель Джильотти.

Через несколько минут, забыв про сон, вся эскадра толпилась у аппаратов, найденных Лунеско. У аппарата, растерянный, с заискивающей улыбкой сообщал адмирал Джильотти то небольшое, что знал. Рядом, победоносно улыбаясь, стоял Лунеско.

XVIII

Амфибия, прокатившись с десятков метров по земле, подпрыгнув, остауовилась. Все, что было внутри нее, вещи, люди, потеряв равновесие, попадали друг на друга. Последним из амфибии вышел Вальден. Убедившись, что ничего не забыто, он дал знак сидящему за рулем. Сейчас же дверцы амфибии захлопнулись, а через несколько мгновений она бесшумно исчезла в предрассветном тумане. Арнольд, держа под руку Бэби, двинулся за Вальденом. Вместе с ним последовали за Вальденом и остальные прибывшие на амфибии. Через несколько минут ходьбы перед ними выросли контуры земляного вала. Шли молча, не зажигая света. Подходя к валу, Вальден упал, споткнувшись о чугунное ядро, заросшее травой. Испустив проклятие, весь мокрый от росы, он поднялся и вскоре подвел приехавших к воротам, ведущим в равелин. Приезжие, обступив Вальдена, терпеливо ждали, пока он принесенным с собою ключом пытался раскрыть дверь. Наконец, заржавленный засов поддался и дверь, скрипя, раскрылась. По два и по три в ряд устремились прибывшие в проход, напоминавший собою туннель. Пол туннеля, вымощенный кирпичом, имел большой уклон в направлении равелина. В равелине их встретили заросли шиповника, загородившие им путь. Пробравшись через его колючки, Вальден повел вглубь равелина, с тру-

дом нащупывая тропинку, затерявшуюся в буйно разросшейся траве.

Лили захотелось сорвать ветку черемухи. Отделясь от других, она, не зная свойств крапивы, через нее попыталась пробраться до черемухи. На полпути, искусанная крапивой, вся в слезах, она повернула обратно.

Туман начал редеть. Выходило солнце. Тропинка привела к внутреннему рву, за которым был бастион. В свободных от лилий и травы местах резвились караси. На листьях лилий кое-где вылезли лягушки, чтобы погреться на солнце. Замелькали бабочки. Равелин проснулся. Жители его, не обращая внимания на пришельцев, начали свой трудовой день. Дятел что-то деловито выстукивал на деревьях. Закуковала кукушка. Изредка из разных концов равелина доходили до ушей прибывших запоздавшие соловьиные трели.

Через ров на ту сторону вел полуистлевший мостик. Осторожно один за другим они перебрались на ту сторону. Перед ними был вход в бастион. Раздвинув кустарник, разросшийся перед входом, Вальден отрывисто сказал:

— Пришли.

Пришедшие переглянулись. Они смирились с мыслью, что внутри ничего не найдут, кроме мусора и сорной травы. Они ошиблись. Кто-то заботливо снабдил убежище необходимым комфортом.

До прибытия «Церона» оставалось несколько часов.

Джиллотти, задумавшись, встал перед этажеркой. Статуэтка, годами стоящая на ней, казалась почему то сегодня совершенно другой, не такой, какой он привык ежедневно видеть.

— В чем дело? — повторял в сотый раз удивленно Джиллотти.

И, не найдя ответа, снова начинал маячить по комнате.

Сегодня Джильотти был не в духе, У него сегодня как-то ничто не клеилось. Приходившие вести были мрачнее мрачного. Из донесений полиции, каждый час поступавших к нему, вытекало, что восстание могло вспыхнуть каждую минуту. Агенты Орлицкого повывлезали из подполья. Казалось, что ими наводнена вся страна. Не ощущаемые ранее, наглые и упорные, они встречались сейчас на каждом шагу. До сегодняшнего дня когорты женщин молились на него, как на бога. В этом были уверены все.

А оказалось!

Джильотти безнадежно махнул рукой. Одно слово — женщины.

По ассоциации он вспомнил про балерину. Он живо себе представил столь знакомые ему ее черты.

Вдруг его осенила мысль, он нахмурился и быстро подошел к этажерке. Взяв статуэтку, он поднес ее к лампе. У него не было больше сомнений. Вместо Саломеи, как живая, стояла балерина.

— А голова? — недоумевающе прошептал Джильотти.

В руках у балерины была его голова. Недоумение сменил порыв бешенства.

— Какая гнусность, — прошипел Джильотти и, швырнув статуэтку изо всех сил на пол, принялся с ожесточением топтать ее ногами. Придя в себя, он к своему удивлению увидел, что на статуэтке не было даже царапины. Постояв несколько минут в нерешительности, он, пересилив страх, нагнулся к ней. Подняв статуэтку, он водворил ее на старое место, повернув лицом к стене.

Пошагав некоторое время после этого по комнате, Джильотти сел за письменный стол. Машинально рука протянулась за очередным рапортом. Прочтя, Джильотти откинулся на спинку кресла, выронив рапорт из рук. Этого Джильотти никак не ожидал. Армада, как сообщала шифрованная телеграмма его агентов, была в руках у Орлицкого. Каким образом это могло случиться? После разговора по аппарату с адмиралом он знал, что корабли исчезли. Но как они целехоньки попали к Орлицкому? Каким чудом?

«Так, — подумал Джильотти, — доживу еще до того, что и я проснусь в один прекрасный день у него в плену.

Нет, — перебил он себя же, — это еще не конец. Джильотти еще покажет, что может».

Состояние приподнятости уступило место слабости.

«Что делать? Что предпринять? — тысячами молоточков стучало в голове. — Разве что зрелищ дать? Эврика! Чего же другого и нужно толпе, как не зрелищ».

— Я им дам зрелищ, — произнес он и самодовольно рассмеялся.

— Я устрою, — продолжал он, саркастически улыбаясь, развивать свою мысль, — кровопускание на современной экономической базе. Я не буду взывать к чести, не буду кричать об историческом долге, о, нет! Я дам народу, кроме зрелищ и хлеба, еще дивиденд. Прибыль с кровопускания. Разве это не гениально? Тот, кто поймает агента федерации мира, получит взамен бон, приносящий проценты. Агенты же поступят в пожизненную эксплуатацию трестов. Не будет годен для работы, в котел его, сварим из него мыло или клейстер какой-нибудь. Заняли клочок неприятельской земли, взяли пленных, военные трофеи, сейчас же бон. Отсекай от него каждый год процентный купон и блаженствуй. Ха-ха-ха! — раскатисто рассмеялся Джильотти.

— Чем сильнее щенкам Орлицкого пустите кровь, тем большую прибыль иметь будете. Увидите, — грозя рукой, закричал Джильотти во весь голос, — как заработают мои вороны. Не страшны нам ваши «Цероны», налетим стаей, заклюем.

Напряжение исчерпало Джильотти. Он с трудом встал из-за письменного стола. Перед глазами замелькали красные круги. Ноги стали свинцовыми. Страстно захотелось на воздух. Взяв себя в руки, Джильотти медленно направился в сад. Вся в деревьях, с фонтаном, бьющим высокой струей, крыша дворца производила впечатление благоустроенного сада. У фонтана стояло несколько скамеек. Джильотти грузно опустился на первую, попавшуюся ему на пути. Из далеких ресторанов ветер доносил музыку. Вокруг дворца морем огней раскинулась столица. По ее улицам фла-

нировали беззаботно обыватели. Над ней неутомимые аэрокары сновали взад и вперед.

Джиллотти, углубившись в свои мысли, не обратил внимания на шум, раздавшийся у него над головой. Шум становился все сильнее и сильнее. Джиллотти с досадой поднял голову и замер.

Над ним повис, заслонив горизонт, огромный черный предмет. Раздался свистящий звук бечевы, режущей воздух, и Джиллотти почувствовал, что его спеленала еле уловимая глазом ткань. Прежде, чем он смог отдать себе отчет в том, что происходит, его оторвало от земли.

«Церон» заметили. В городе поднялась тревога.

Предоставив Рите заботиться о гостях, Орлицкий вышел, уведя с собой Вальдена.

Пока «Церон», глотая пространство, неся к столице Джиллотти, Вальден помогал Орлицкому устанавливать аппараты. Оба работали молча. Остановив «Церон» над столицей, Орлицкий предложил Вальдену посмотреть вниз. Через прозрачный квадрат пола, где-то глубоко внизу был виден неясный расплывчатый свет. Это была столица Джиллотти.

— А теперь, Вальден, нельзя терять ни минуты. Смотрите сюда.

Вальден наклонился над объективом прибора, напомиравшего телескоп. Ясно и отчетливо в него был виден дворец Джиллотти. Прежде, чем пораженный Вальден мог что-либо сказать, последовало приказание.

— Диск на одно деление вправо.

Послушно Вальден быстро повернул диск.

— Еще, еще на деление; обратно, — бросал приказания одно за другим Орлицкий.

Вальден, вытирая свободной рукой выступивший на лбу пот, старательно переводил рычаги.

— Стой, — вдруг радостно закричал Орлицкий.

В объективе стал виден кабинет Джильотти. В фигуре, в бешенстве топтавшей что то на полу, Орлицкий без труда опознал самого Джильотти.

— 3-3-3-3-3, — напоминая полет шмеля, загудел в углу аппарат. Из «Церона» во дворец выявитель начал посылать один за другим импульсы, приказывающие Джильотти выйти на крышу дворца — в сад.

Сам же «Церон», как коршун, устремился на дворец. «Церон» заметили. Город погрузился в мрак. На аэродромах начали с лихорадочной быстротой вытаскивать из ангаров аппараты. Жерла пушек злоеце, молча, устремились на дворец, освещенный отовсюду бесчисленными прожекторами.

Все притаились, ожидая с замиранием сердца, что будет.

Как только потерявший сознание Джильотти был втащен вовнутрь «Церона», сейчас же герметически закрылись люки. Медленно, незаметно для глаза, «Церон», перебирая щупальцами, двигался по саду, раздавливая все на пути. Перегнувшись через край крыши, он замер на несколько мгновений, как бы готовясь для прыжка. Затем его машины заревели и, как смерч пронесясь над широким проспектом, на высоте домов он исчез. Его исчезновение было столь же неожиданно, как и появление.

XIX

Свадьба кончилась. Взволнованная Элен, в то же время и плача, и смеясь, благословила молодых. Счастливые и довольные Рита и Орлицкий поехали к себе, чтобы переодеться на дорогу. С гостями остались О'Генри и Нелли. Элен тоже уехала к себе в загородную виллу, в которой она уединилась после смерти Билля. Ей пришлось, как матери, весь день играть роль хозяйки, это утомило ее. Когда молодые показались на площади, дети их забросали цветами. Народ же долго и восторженно их приветствовал. Торже-

ство кончилось, площадь начала пустеть. Часть обывателей ушла домой, тысячи же пошли за город. Там на огромном полигоне была размещена плененная «Цероном» Армада. Обыватели толпились у гигантских воздушных кораблей, с любопытством их рассматривая. С остальными посмотреть плененных гигантов пришли также Эла и Валентин.

— Видишь, Валентин, чем кончилась авантюра Джильотти.

— Вижу, Эла, — ответил Валентин.

— Без крови, без жертв его сумел обезвредить Орлицкий.

— Как ты считаешь, Эла, как поступят с самим Джильотти? Его казнят? Выдадут восставшим?

Эла рассмеялась.

— Какой же ты все-таки, Валентин, варвар. Неужели ты никогда не перестанешь им быть?

Внимание толпы привлек длинный караван судов,, летящих с юго-запада. На аппаратах были явственно видны цвета страны Джильотти. Толпа заволновалась. Отовсюду посыпались недоумевающие возгласы. Когда караван исчез на горизонте, толпа хлынула к говорящим экранам. Около них началась давка. Каждому хотелось услышать первую последние новости.

Караван привез многочисленную делегацию. Как только они прибыли, их привели к О'Генри. Они привезли бесчисленные заявления о дружбе, верности, симпатии к федерации мира. Клялись, что у них сейчас наступит новая конструктивная эра. Все будет делаться по планам, заимствованным у О'Генри и Орлицкого.

О'Генри любезно их слушал, терпеливо ожидая, когда они заговорят о главном, т. е. о том, из-за чего они приехали сюда. Вскользь, как бы невзначай, делегаты перевели разговор на деятельность Джильотти. Упоминание его имени как бы воспламенило их и они с пафосом начали требовать выдачи его.

— Для чего же он вам нужен? — спросил, улыбнувшись, О'Генри.

— Тирана хочет судить народ, — гласил торжественный ответ.

О'Генри прервал аудиенцию, предложив принять делегатам участие в чествовании Риты и Орлицкого. С прибытием делегатов банкет стал еще веселее и оживленнее.

Через О'Генри было предложено Вальдену и Арнольду вернуться в федерацию и занять там руководящие места. Их согласие послужило поводом для лишних тостов.

Банкет кончился.

Все вышли на площадь. Занималась заря. Было свежо после накуренных комнат.

«Церон» плавно отделился от площади и начал уходить в высь. На палубе стояли, обнявшись, Рита и Орлицкий. Ни он и ни она не интересовались тем, куда их унесет «Церон». Они были счастливы.

Текст романа публикуется по первоизданию (Белград, 1936)
с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших
особенностей орфографии и пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.